

«Властелин двух миров». Роман. Книга 1,

«Петля времени», «Монстры из будущего».

Фантастика. Альтернативная история. Политика

© 2013 – Александра Треффер

Контактные данные: alexandra.treffer@yandex.ru

Веб-сайт: <http://knigi-treffer.ucoz.net>

Обложка, иллюстрации – А.Треффер

Данная электронная книга, включая все ее части, защищена авторским правом и не подлежит копированию, перепродаже или передаче третьим лицам без согласия автора.

Об авторе.

Александра Треффер – прозаик, поэтесса, композитор-песенник, вокалист. Профессиональный работник культуры. В её литературном активе романы, повести, рассказы в жанре фантастики и фэнтези с элементами мистики и хоррора, а также стихи, тексты авторских песен и другое.

О книге:

Для чего природа, судьба или Бог могут создать портал, соединяющий будущее и прошлое? Ради кого они готовы изменить естественный ход событий, потратив энергию Вселенной? И каковы будут последствия вмешательства сил, неподвластных людям, в историю человечества? Ответ на эти и другие вопросы дано узнать ВАМ, Виктору и Ирине Прокудиным, попавшим в иную реальность, их антиподам, и всем, кого вовлекло в судьбоносный времяворот.

Все персонажи – плод фантазии автора.

Любые совпадения случайны.

Книга 1, часть 1

Петля времени

Пролог

В уютной комнате, освещённой мягким светом настольной лампы, сидел мужчина, казавшийся молодым, настолько подтянутым он выглядел. Но, внимательно присмотревшись, сторонний наблюдатель заметил бы, что коротко стриженные волосы незнакомца совершенно седы, лицо изборождено морщинами, а кожа худых, потерявших упругость рук испещрена старческими пигментными пятнами. Выправка же его была, несомненно, военной, сохранившейся, несмотря на возраст. Склонившись над столом, он писал на внешне обычном листе, но синхронное отображение печатного текста на компьютерном дисплее заставляло сомневаться, что ровные строчки ложатся на обыкновенную бумагу.

Откинув ручку, человек вздохнул, потёр уставшие глаза и, внимательно перечитав последнюю страницу, нажал кнопку на моноблоке. В комнате загудело, это включился принтер, распечатывающий творение неизвестного. Лоток наполнялся, а писатель, выпрямившись, неотрывно следил за работой машины.

Дверь открылась, и в помещение вошла женщина. В неясном свете она тоже смотрелась молодо. Это впечатление усиливалось благодаря удивительной хрупкости фигуры при некоторой её полноте, поэтому непосвящённый никогда не догадался бы, что неизвестной уже за пятьдесят. Подойдя, она поцеловала застывшего мужчину, а тот вздрогнул, возвращаясь из страны мечтаний в действительность, и ответил на объятие.

– Привет, – сказала гостя. – Я вижу, твой труд, наконец, закончен? Надеюсь, ты поделитесь со мной тайной, которую собираешься поведать миру?

– Да, – отозвался он, – теперь можно. Это, милая, мемуары в художественной форме. В них я описал события, происходившие со мной и друзьями с момента, когда мы попали в свободное общество.

– А меня ты упомянул? – лукаво улыбаясь, поинтересовалась женщина.

– Конечно. Ты одна из главных героинь. И, как всегда, станешь первой читательницей. Готова потратить на эту кипу бумаги несколько часов?

– С радостью. Я начну прямо сейчас.

Обняв писателя и забрав толстую пачку листов, незнакомка вышла. Сцепив пальцы на затылке, мужчина откинулся на спинку стула и, закрыв глаза, погрузился в раздумья.

А жена в соседней комнате, комкая в руке платок, которым отирала наполняющиеся слезами глаза, вчитывалась в строки, будившие воспоминания.

Глава 1

Утро в доме Прокудиных началось со скандала. Как всегда, глава семьи опаздывал на работу, а раздражённая ежедневно повторяющейся сценой скоропалительных сборов жена не могла удержаться от язвительных замечаний в адрес копуши-мужа.

Виктор – привлекательный тридцатисемилетний мужчина матерился сквозь зубы, кое-как запихивая в портфель свой новый проект. Ирина Прокудина, когда-то яркая, а теперь махнувшая на себя рукой женщина презрительно следила за его действиями.

– Во сколько вернёшься? – крикнула она вслед супругу.

– Вообще не вернусь, – рыкнул тот, – надоело это семейное убожество...

Прокудин со злостью рванул щеколду, но, так и не открыв дверь, застыл на пороге. Повернувшись, он шагнул к к Ирине, глаза которой наполнились слезами.

– Прости, ласточка, – неожиданно мягко сказал Виктор, – я вспылел. Не слушай меня.

Жена, встав на цыпочки, обняла мужа, а тот, легко чмокнув её в нос, ласково провёл рукой по щеке и выскочил на лестничную площадку. Ирина же, теряя растоптанные тапки, прошлёпала в комнату и остановилась перед зеркалом, засиженным мухами.

«Ну, что я за дура, – мысленно рассуждала она, разглядывая своё отражение, – зачем постоянно его задеваю? Ведь такого, как мой Витя, готового день за днём терпеть опустившуюся, бесплодную уродину-жену, днём с огнём не сыщешь. Ценить должна, так нет, словно кто-то за язык тянет».

Осмотрев себя, Ирина вздохнула.

«Надо бы в парикмахерскую сходить, – подумалось ей, – маникюр сделать и, вообще, привести себя в порядок. Но почему-то не хочется».

Ничего не хотелось уже давно. Надоевшая работа, Ирина была бухгалтером и обслуживала несколько фирм сразу, отсутствие ярких событий, смерть родителей и горькое разочарование бездетности довели её до депрессии. И, если бы не Виктор, она легла бы, вытянув ноги, и оставалась в таком положении, пока не умерла бы от голода.

Ирина сейчас не слишком привлекала мужа физически и понимала это. Чистоплотная женщина не могла оттолкнуть от себя запахом немытого тела, но дырявое бельё, обломанные ногти, рано залегшие морщинки и потухшие глаза не относились к числу прелестей, притягивающих мужчин. И всё же, несмотря ни на что, Виктор любил жену, она это чувствовала, и тревожился за неё, но насыщенный рабочий график не позволял мужу уделять ей столько времени, сколько ему хотелось.

Оторвавшись от зеркала, Ирина окинула взглядом их семейное гнёздышко. Стандартная двухкомнатная квартира, стараниями Прокудина тянущая на евро-уровень, надоела женщине не меньше, чем собственное отражение в мутном стекле. Вздохнув, она отправилась на заваленную немойтой посудой кухню, чтобы сварить кофе и немного взбодриться.

Когда Ирина подошла к газовой плите, раздался треск, и нога женщины по колено провалилась под половицу сквозь лопнувший линолеум. От неожиданности и резкой боли она вскрикнула и зарыдала в голос, пытаясь извлечь зажатую конечность. Но тщетно, та, казалось, застряла намертво. С трудом дотянувшись до лежащего на табуретке сотового телефона, Ирина набрала номер мужа. Виктор взволновался и обещал немедленно прибыть. К счастью, его дизайнерское бюро находилось неподалёку, и через десять минут в замке завертелся ключ. И тут Ирина сообразила, что заперла дверь на задвижку. Она хотела крикнуть, что в комнате открыто окно, но вместо этого снова громко заплакала.

Происходившее позже она помнила смутно. Виктор каким-то образом, наверное, через ту самую распахнутую фрамугу, пробрался внутрь, долго ломал пол вокруг распухшей ноги жены, а потом, с трудом подняв её, осторожно понёс к кровати. Сквозь пелену слёз Ирина увидела обеспокоенный взгляд мужа и почувствовала, как тот кладёт на повреждённое место что-то холодное. Вскоре боль пошла на убыль, веки сомкнулись, и под монотонный разговор мужчины с начальством Ирина погрузилась в сон.

Проснулась она от тихого голоса Виктора, доносящегося из коридора. Женщина напрягла слух.

– Ты понимаешь, что она моя жена? Конечно, ты мне нравишься, мне хорошо с тобой, но я не могу оставить её в таком состоянии. Какая разница, сплю я с ней или нет? Оля, я предупреждал тебя, что Иру не брошу, особенно в депрессии. Ну, если ты хотела это услышать, я люблю её и буду любить. Не твоё дело, как она выглядит, не надо оскорблений, это не метод! Я вешаю трубку.

Игла отчаяния кольнула сердце Ирины. Да, муж любит её, но не как женщину, а как друга или, что вернее, беспомощное существо, повисшее на его плечах, которое он из жалости не может стряхнуть. Горькие размышления прервало появление Виктора, заметившего, что жена не спит. Та проглотила готовый вырваться упрёк и, опершись о подушки, приподнялась на постели, твёрдо решив не подавать вида, что подслушанный разговор её задел.

– Как нога? – спросил мужчина.

Ирина осторожно ею пошевелила.

– Кажется, в порядке, – неуверенно ответила она. – Похоже, я отделалась синяками и ссадинами.

Сев на краешек кровати, Прокудин взял женщину за руку.

– Я заглянул в пробитую тобой дыру и, представляешь, обнаружил подвал, расположившийся подо всей нашей квартирой, – бодро сообщил он. – Помнишь, позавчера ты интересовалась, почему так прогибаются полы. Оказывается, мы ходили над пустотой.

Ирина оживилась.

– Подпол размером с квартиру? Так это же второе жильё.

– Нам вполне хватает и двух комнат, – улыбнулся муж, – но, как подсобное помещение, где можно хранить хлам, который жалко выбросить, он пригодится.

Виктор засмеялся.

– Не придётся кидать в мусорное ведро недоработанные проекты. Знаешь, я отпросился с работы и на завтра. Может, исследуем наше приобретение?

Провести день вдвоём, вместе заняться делом... От этой мысли глаза Ирины загорелись, а щёки порозовели.

– С удовольствием! – радостно выпалила она.

Виктор залюбовался похорошевшим лицом жены.

– Наша жизнь слишком бедна событиями, а Ирочке нужно новое и интересное, – расстроено подумал он. – Даже какой-то грязный подпол вдохновляет её. А я настолько

завяз в проектах для *нуворишей*, что не могу обеспечить ей ни развлечений, ни полноценного отпуска.

***Нувориш* – быстро разбогатевший человек из низкого сословия.**

– Значит, решено, – вслух весело произнёс мужчина, – выспимся и за работу.

– Да я отоспалась за день, – улыбнулась Ирина. – Пойду-ка лучше разгребу немытую посуду и приготовлю что-нибудь на завтра.

– Я уже всё сделал, – сказал Виктор, притягивая её к себе.

Женщина почувствовала требовательное прикосновение рук мужа к груди, и, затрепетав всем телом, приникла к нему.

Ночь пролетела быстро, наступило утро. Супруги завтракали в чистой, прибранной кухне, и взгляды обоих то и дело останавливались на проломе у плиты. Они находились в предвкушении приключения, если таковым можно было назвать чистку запущенного подвала.

После еды, приведя помещение в порядок, оба отправились переодеваться. Перерыв кучу одежды, Прокудины натянули на себя выцветшие *затрапезы* и по очереди, освещая путь фонариками, нырнули в отверстие. Взвизгнув, женщина отпрыгнула от погладившей её по лицу паутины, наступила Виктору на ногу, тот преувеличенно отчаянно взвыл, и оба расхохотались. Когда в ответ аукнуло, они замерли.

***Затрапез* (разг.) – повседневная, будничная одежда.**

– Откуда здесь эхо? – недоумевающе спросил мужчина. – По всем законам его просто не должно быть.

– А вдруг тут не действуют никакие законы? – зловеще прошипела Ирина. – Может, это другое измерение...

Виктор снова рассмеялся, и опять что-то поддержало его веселье. Наконец, мужчина замолчал, но дальние отголоски смеха или крика по-прежнему звучали в темноте подпола. Задрожав, женщина прижалась к мужу, а тот обнял её, успокаивая.

– Это, наверное, голоса с улицы просачиваются, – уговаривал он, – не бойся, ласточка.

Та кивнула, но, едва супруги двинулись с места, звуки возобновились, став ещё громче. Вдруг оглушительный вопль прозвучал совсем рядом. Он оказался настолько страшен и нежданен, что вздрогнул даже Виктор. Посмотрев друг на друга, люди, не сговариваясь, кинулись к ведущей на кухню дыре. И пришли в ужас, разглядев при неярком свете, что её нет.

– А-а, – вцепившись в мужа мёртвой хваткой, застонала Ирина, – что это? Почему проход закрылся?

– Не знаю, – нервно отозвался тот. – Может, мы ошиблись местом?

– Нет. Вот паутина, что задела меня...

– Да она тут повсюду. Идём.

Они пошли обратно, светя в потолок. Лаза, ведущего к нормальной жизни, не было нигде. И тут снова раздался мучительный крик, ввергнувший Ирину и Виктора в панику. Оба прижались спинами к кирпичной стенке подвала, приготовившись использовать фонари, как оружие. Но там, куда дотягивались слабые лучики, не наблюдалось никакого движения, ужасный рёв не повторялся, и постепенно дрожь, сотрясающая мужчину и женщину, унялась, и они вновь стали мыслить здраво.

Посоветовавшись, супруги двинулись в направлении, противоположном тому, откуда донёсся звук. Стена казалась бесконечной, но вскоре зоркие глаза Виктора высмотрели разделяющую её пополам широкую щель. Подкравшись к пролому, он скользнул в темноту, а потом, выглянув, поманил жену. Последовав за мужем, та увидела, что стоит на верхней площадке лестницы, нижняя часть которой теряется во мраке.

– Может быть, это выход? – нерешительно произнёс Виктор.

– И куда? – поинтересовалась Ирина. – В метро? К шахтёрам? Или в лапы к вампирам?

Мужчина фыркнул:

– Я не верю в мистику. Рискнем?

Женщина энергично кивнула.

Путь длился вечность. Наконец, Виктор, остановился.

– Мы уже не меньше чем на пятьдесят этажей ниже уровня земли, а ступеням конца-края не видно, – сказал он. – Так мы до ядра доберёмся. Стоит ли идти дальше?

– Ты предлагаешь вернуться, чтобы вновь оказаться замурованными в подвале? – возмутилась Ирина. – Подъём тяжелее, чем спуск, выхода наверху нет, мало того, там нас поджидает нечто, кричащее, как марал в период гона. Может, все-таки пойдём до конца?

Виктор с изумлением смотрел на неё. Его депрессивная толстушка Ира исчезла. Перед ним стояла слегка дрожащая, но решительная незнакомка, жаждущая приключений. И мужчине неожиданно захотелось, чтобы последнее слово осталось за ним.

– Вперёд! – сказал Виктор, подавая пример.

Они спустились ещё этажей на сто, когда лестница кончилась. Супруги очутились в большой пещере, где капало со стен, и, тревожно оглядываясь, пересекли её. Погасив фонари, ставшие ненужными, поскольку слабый свет, напоминаящий отблески костра, здесь пробивался отовсюду, Прокудины, неслышно ступая, двинулись к расщелине, похожей на дверь. Протиснувшись в неё, оба охнули и, не веря глазам, застыли на месте.

Муж и жена Пинкдроу встретили рассвет на кухне. Хозяйка двухкомнатной квартиры, спланированной зеркальным отражением прокудинской, освободили её от лишней мебели, и только в большой комнате висели два удобных гамака. А кухонная обстановка состояла из большого стола, нескольких табуретов и необычного вида плиты.

– Почему нам не спалось? – ворчал Ортвик, поглощая омлет. – Теперь с каждого из нас снимут по пяти баллов за пренебрежение ночным отдыхом.

– Думаешь, это уже зафиксировали? – спросила Аирин, помешивая чай сахарной ложечкой, постепенно растворяющейся в кипятке.

– Конечно. Сама знаешь, счётчики у них повсюду. Придётся взять дополнительный выходной, чтобы сходить в кино или в аквапарк.

– Ты прав, – задумчиво произнесла женщина. – Я присоединюсь, и мы заработаем каждый по тридцати баллов в возмещение и сверх потерянных.

– Умница!

Ортвик поцеловал руку жены.

– Вот что значит счетовод, сразу всё высчитала.

– Бухгалтер, – поправила она.

И поинтересовалась:

– А когда у тебя начинается отпуск?

– Да хоть с сегодняшнего дня. Но зачем он нужен, если мы никуда не сможем поехать.

– Сколько нам надо получить ещё?

– Около трёхсот.

– Что ж, – поправив вычурную причёску, сказала Аирин, – самый быстрый способ – прогулка на природу, желательно на велосипедах. Только их использование даст нам не менее ста на двоих.

– Прекрасно! Итак, завтра я беру выходной, мы идём на ближайшую базу, заказываем двухколёсные...

– Трёх...

– Но за двухколёсный начисляют больше.

– Я не умею на нём ездить, ты помнишь?

– Ладно, трёхколёсные велосипеды, берём дорожный паёк и куда-нибудь...

– Поближе...

– Но почему? Рядом с нашим домом нет ни леса, ни луга.

– В парке неподалёку есть чудесные уголки. Если мы устанем, добираясь до места пикника, с нас снимут больше баллов, чем сегодня.

– И снова умница! Договорились. А сейчас я убежал.

Ортвик чмокнул Аирин в нос, и дверь за ним захлопнулась.

Постояв немного, женщина собрала грязную посуду, изготовленную из жёсткого и упругого материала, упаковки из-под еды и положила в большой агрегат в углу кухни, где всё благополучно растворилось и автоматически слилось в канализационную систему. Аирин же, взяв планшет, отправилась в комнату и, качаясь в гамаке, принялась просматривать отчёты.

Придя в себя, Ирина и Виктор переглянулись.

– Ерунда какая-то, – после долгой паузы произнёс мужчина, – но, кажется, мы снова дома. Вот эта злосчастная дыра, вот та самая паутина. Странно. Давай-ка посмотрим, что наверху.

Подтянувшись на руках, Виктор выбрался на пол кухни и помог жене. Оглядевшись, он присвистнул.

– Ир, похоже, нас ограбили, всё вынесли.

Та растерянным взглядом окинула помещение, и её внимание привлекло сооружение в углу, напоминающее большую вытянутую кастрюлю. Подойдя, она заглянула внутрь. Белая *опалесцирующая жидкость* наполняла сосуд почти до краёв. Опустив в него ладонь, Ирина зачерпнула немного упругой перламутровой субстанции.

Та обволокла ее кисть, как резиновая перчатка, но, едва лишь пальцы снова коснулись светящейся поверхности, стекла с них, соединившись с основной массой.

Опалесцирующая жидкость – жидкость, в которой при просвечивании появляется оттенок перламутра.

Женщина замерла, рассматривая руку, а потом показала её Виктору, с любопытством склонившемуся над ёмкостью.

– Я надела сегодня кольцо с кошачьей мордочкой, – сказала она, – помнишь, оно всегда тебя забавляло? Так вот, это вещество либо растворило его, либо сняло с пальца.

– Похоже, мы имеем дело с жидким вором, – нервно хихикнул муж. – Уж не он ли высосал из квартиры нашу мебель?

– Пойдем, проверим остальное.

Ирина шагнула вперёд.

– Подожди, я первый.

Толкнув спутницу себе за спину, Виктор, тихо ступая, пошёл к двери. Миновав коридор, он осторожно заглянул в большую комнату и остолбенел, издав горлом нечленораздельный звук.

Мужчина решил, что он сходит с ума. В одном из подвешенных к потолку гамаков спала женщина, которая, словно близнец, походила бы на Ирину, если бы та настолько не запустила себя. Прокудин почувствовал, как пальцы жены до боли сжали его плечи и обернулся удостовериться, что это именно она.

– Кто вы такие? Что вам нужно в моём доме? – прозвучал сзади голос, заставивший обоих подпрыгнуть от неожиданности.

Глава 2

Ошалевший от сюрпризов Виктор обречённо застонал, осознав, что смотрит на точную копию самого себя, только свежего и отдохнувшего.

– Наверное, недавно из отпуска, – мелькнула глупая мысль.

А двойник, с недоумением и ужасом тарачившийся на Прокудина, коротко вскрикнув, попытался того ударить. Сработал рефлекс, сохранившийся со времён службы в армии, Виктор увернулся, и кулак незнакомца просвистел над головой. Схватив промазавшую руку, мужчина завернул её за спину владельца.

– Кто вы? – заныл тот, пытаясь вырваться.

Физическая подготовка его явно оставляла желать лучшего.

– Мы здесь живём, – ответила озадаченная Ирина.

Псевдо близнец Виктора уставился на женщину.

– Аири, что ты с собой сделала? Как за несколько часов ты ухитрилась так поправиться?

Та ошеломлённо взглянула на него.

– Я не Аири, – выдавила она.

И, опомнившись, продолжила:

– Моё имя Ирина. Вы-то кто?

– Я тут живу, – продолжая выкручиваться из рук Виктора, прохрипел неизвестный.

– Меня зовут Ортвик Пинкдроу, и эта квартира абонирована на меня. Откуда вы здесь взялись и кто вы, чёрт возьми?

Держа свою копию железной хваткой, Виктор процедил сквозь зубы:

– Я Виктор Прокудин, а это моя жена, мы пришли...

Он не договорил, потому что рядом раздался такой визг, что у присутствующих чуть не лопнули барабанные перепонки. Отпустив Ортвика, Виктор зажал уши и сполз на пол, противник последовал его примеру. Не дрогнула лишь Ирина. Бестрепетно стоя под лавиной звука, она выдернула из кармана невесть как там оказавшийся платок и, кинувшись на своего клона, заткнула тому рот. Стало тихо. Пришедшие в себя мужчины поднялись, зло глядя друг на друга.

– Так откуда же вы тут взялись? – дрожащим голосом повторил Ортвик.

– Вчера Ирина провалилась под пол кухни, пробив дыру. Мы обследовали подвал и... кое-что слышали, а потом пришли сюда, как мы считали, домой.

Пинкдроу задумался.

– Что-то здесь не так, – сказал он. – Я точно знаю, что это моё жильё, и пролом в полу дело моих рук, а не ноги Аирин. Ясно, что именно вы оказались не там, где нужно.

И, обратившись к жене, оторопело тискающей вытащенный изо рта кусок ткани, попросил:

– Солнышко, организуй, пожалуйста, чай, в этом надо разобраться.

Вскоре люди сидели на кухне, пытаясь понять, что же произошло.

– Вы ведь спустились под землю чуть ли не на сотню этажей, – возбуждённо говорил хозяин. – И как же после этого могли снова попасть наверх?

– Эта мысль и мне не даёт покоя, – признался Виктор, подумав, что умение быстро шевелить мозгами явно не входит в список достоинств Пинкдроу.

– А почему мы так похожи? – спросила Аирин.

– У меня есть соображения по этому поводу, – отозвалась Ирина. – Раньше в моде была тема антиподов, так вот, думаю, мы антиподы друг друга, а ваша Земля – антипод нашей.

– Но зачем, – недоумевал Ортвик, – и кому понадобилось создавать такую ситуацию, чтобы вы попали в иную реальность? И кто, любопытно, кричал в этом подвале?

Виктор и Ирина дружно пожали плечами.

– Хотелось бы нам знать, – промолвила женщина.

– Возможно, грешники, – предположил Виктор. – В нашем мире ходили слухи, что в глубокой скважине на Кольском полуострове учёные записали услышанные из-под земли вопли и стоны, а людская молва утверждает, что они доносились из ада.

– Вот уж никогда не поверю, – фыркнул Ортвик.

– В этом есть резон, – задумчиво сказала его жена.

Наступило молчание, нарушенное Аирин.

– Что странно, – сказала она, – мы двойники, но имена у нас разные...

– У вас есть детская пластиковая азбука? – прервала её Ирина.

Супруги Пинкдроу переглянулись.

– Для начала, у нас нет детей...

– Как и у нас. Ну, хорошо, дайте хотя бы лист бумаги и карандаш.

Ирине принесли планшет со стилусом, и она принялась писать, не обращая внимания на растерянные взгляды остальных. Распрямившись, женщина показала электронный лист ожидающим результата людям. Те увидели два слова: Прокудин и Пинкдроу. Каждую букву Ирина подчёркнула одной, двумя, тремя, и так далее, линиями. Количество знаков совпадало, наименования *литер* тоже.

– Вот, – пояснила женщина, – ваша фамилия – *анаграмма* нашей, наша – вашей. С именами та же история.

Литера (устар.) – то же, что и буква.

Анаграмма – слово, образованное перестановкой букв другого слова.

– Та-ак, – протянул Ортвик, откидываясь на отсутствующую спинку табурета.

– Та-ак, – с сосредоточенным видом поднимаясь с пола, повторил он, – то, что мы антиподы – понятно. Но мы в своём мире, а вы нет. Наверное, вам лучше вернуться обратно...

– Орти, – вмешалась Аирин, с жалостью глядя на мужа, – пойми, проход в их реальность закрылся. Они просто умрут в подвале. Не можем же мы прогнать людей при таких обстоятельствах?

– Прогнать, нет, – подумав, согласился он. – Но можем вооружиться огнерезом, подняться с ними и прорубить этот дурацкий портал. Согласна?

Не найдя возражений, жена молча наклонила голову. Но тотчас заговорила снова:

– Только не сегодня. Посмотри, уже темнеет. Не начинать же новое дело, на ночь глядя.

Ортвик наморщил лоб.

– Что ж, свяжись с базой, пусть вышлют гамаки и бельё. И закажи что-нибудь вкусное, на работе я не наелся.

Антиподы с изумлением наблюдали, как Аирин, нажав кнопку, разговаривает со стеной, как рядом открывается небольшая дверца, и женщина достаёт упакованные в красивый шелковистый материал гамаки, постельные принадлежности и ещё какие-то вещи, которые им не удалось рассмотреть.

Но особое удивление вызвало у них другое действие хозяйки: подойдя к длинной кастрюле в углу кухни, она опустила в неё разорванную упаковку и грязную посуду, оставшуюся после чаепития. На глазах ошеломлённых наблюдателей и то, и другое моментально растаяло, светящаяся субстанция исчезла в открывшемся на дне отверстии, а из стенок забили струйки такой же жидкости, быстро заполнившей сосуд.

– Что... что это? – пробормотал Виктор.

Женщина с удивлённым видом повернулась к нему.

– Утилизатор, – ответила она. – Разве вы ими не пользуетесь?

Прокудин помотал головой.

– У нас всё иначе. Похоже, здесь продвинулись в развитии гораздо дальше.

– Дикари, – осклабившись, пошутил Ортвик.

Аирин, заметив, что гостям неприятно это слышать, кинула на мужа выразительный взгляд, от которого тот смехался, закашлялся и дважды обошёл вокруг стола, прежде чем сесть. Она же, сделав новый заказ, извлекла из *интерактивного* тайника четыре порции съестного, четыре тарелки, столько же вилок и, положив приборы на стол, понесла еду к плите.

Интерактивный – основанный на двусторонней связи между пользователем и какой-либо системой.

Освободив пищу от упаковки, и, бросив последнюю в утилизатор, женщина открыла «духовку», оказавшуюся зеркальной камерой и, притворив дверку, нажала несколько кнопок на панели. Через пару минут звякнуло, и по кухне поплыл восхитительный запах курицы с жареной картошкой.

Ели молча и за обе щёки. Ничего более вкусного супругам Прокудиным пробовать не приходилось. Хозяйка же краем глаза с улыбкой наблюдала, как гости утоляют аппетит. Остатки ужина смыли в канализацию, и Виктор, распираемый любопытством, спросил:

– Аирин, а почему эта жидкость не повредила Ире, когда она опустила туда руку?

– Утилизатор устроен так, – пояснила женщина, – чтобы не уничтожать живую органику. Вдруг туда свалится кошка или в нём случайно окажутся пальцы ребёнка. Всё продумано.

– Потрясающе!

Ирина зааплодировала.

– Как же здесь удалось достичь таких высот?

– Мы работаем, – гордо изрёк Ортвик, – и каждый делает то, в чём он, действительно, разбирается, что ему интересно. Никто в этом мире не занимает чужую нишу.

– Но мы тоже работаем, – удивилась Ирина. – Правда, не все на своих местах, но большинство добросовестно.

– Э-э, нет, – возразил хозяин, – недостаточно трудиться в поте лица, надо, чтобы деятельность увлекала. Иначе ты создашь ровно столько, сколько тебе задано, не более. Это не прогресс. Кто вы по профессии?

– Я дизайнер, – сообщил Прокудин, – оформляю квартиры. А Ира – бухгалтер.

– Хм, – задумчиво протянул Ортвик, – у нас так сильно влечение к простоте жизни, что ваша, точнее, наша специальность почти не востребована. Я тоже занимаюсь этим, но в масштабе города, а не домов. Вот...

Внезапно он осёкся, и на лице его мелькнула растерянность.

– Погодите-ка, получается, что мы даже трудимся в одной сфере?

Ответом Пинкдроу стали три ошеломлённых взгляда. А тот, ошалело помотав головой, продолжил:

– Вам, Виктор, нравится ваша работа?

Тот задумался.

– Когда-то она была мне по душе. Я строил грандиозные планы, которые мне так и не удалось осуществить. Пожалуй, нет, сейчас это лишь способ заработать на жизнь.

– А я, вообще, не понимаю, что меня толкнуло к цифрам, – вмешалась в разговор Ирина. – Имей я возможность, давно распрощалась бы с бухгалтерией.

– Вот видите, – воскликнула Аирин, – разве вы можете создать что-то выдающееся, если работа вас не вдохновляет.

– Но ведь многие так живут, – сказал Виктор.

– У вас, – поправил Пинкдроу. – У нас всё иначе. Если твоя деятельность тебя не удовлетворяет, ты начинаешь заниматься чем-то другим.

– Это очень хорошо, но ведь работодатели не каждого готовы взять на подходящее тому место.

– Кто? – дружно спросили хозяева.

Виктор растерялся.

– Работодатели, – неуверенно прошептал он.

– Но у нас нет никаких работодателей, – удивился Ортвик. – Мы связываемся с агентством учёта, сообщаем, что хотим поменять специальность, нас обучают и... всё.

Поражённые Прокудины сидели, открыв рты.

– Коммунизм, – пробормотал Виктор.

– Нет, – отозвалась Аирин, – всего лишь свободное общество, свободное во всём.

И продолжила:

– Послушайте, уже поздно, давайте ложиться спать. Завтра по дороге мы расскажем друг другу о наших мирах. Вот бельё, располагайтесь и почувствуйте себя, как дома.

Растерянные гости, в один голос произнеся слова благодарности, пошли устраиваться. Виктор принялся закидывать постельные принадлежности в гамаки, повешенные в маленькой комнате, а Ирина отправилась в ванную.

Вода текла только в кухне, а здесь из крана лилась та же самая жидкость, что наполняла утилизатор. С опаской потрогав её ногой, женщина осторожно забралась в необычной формы ванну.

Через несколько минут она почувствовала себя отмытой до дыр. Чудесная тёплая субстанция, глубоко проникая в поры, растворяла и вытягивала жир и грязь, поэтому в мыле и шампунях не было никакой необходимости. А вскоре, в дополнение ко всем приятностям «водных» процедур, бесшумно заработал автоматический массажёр, нежно растирающий каждую клеточку тела.

Выбравшись на пол, Ирина расчесала волосы, надела свежее бельё и, сбросив в упругую жидкость старое, вытащила пробку, сливая посеревшее содержимое. Посмотрев в зеркало, женщина не узнала себя. Лицо посвежело, и, казалось, даже лишних килограммов стало меньше.

– Поразительно! – восторженно шепнула она.

Накинув халат, найденный в упаковке с бельём, Ирина отперла дверь и позвала мужа. Наскоро объяснив, что надо делать, она устроилась в гамаке и мгновенно провалилась в сон. Виктор же, освежившись, наоборот, долго не мог уснуть, взбудораженный событиями дня.

Из соседней комнаты послышался шёпот, и мужчина напряг слух.

– Аири, – говорил Ортвик, – надо поскорее избавляться от незваных гостей. Мы рискуем спустить на них все наши баллы.

– Почему?

В голосе женщины звучало удивление.

– Ведь нас не утомляет их присутствие.

– Да, но вспомни, что у каждого есть лимит как на еду, так и на вещи. Если мы его превысим, то можем остаться голыми и голодными или истратить заложенное на отдых.

– Ты забываешь про гостевую категорию.

– Она рассчитана только на зарегистрированных. Когда мы угощаем знакомых, мы вводим их номер...

– Неправда!

Голос Аири взлетел.

– Я никогда не спрашиваю у людей, как они пронумерованы.

– Что?

Наступило молчание, Ортвик переваривал информацию.

– Какая ты щедрая, – ядовито сказал он после длительной паузы, – за счёт семьи...

– Ничего, – спокойно парировала жена, – поменьше поешь. Если бы не массажёр в ванне, ты давно уже набрал бы, по крайней мере, килограммов десять лишних.

Мужчина начал задыхаться от злости.

– Ты... ты... а в кого бы превратилась ты? Живой пример твоя антиподиха – неповоротливая корова.

Виктор вздрогнул. Только что этот человек, по характеру, похоже, являвшийся его полной противоположностью, оскорбил его жену. Его Иру! Он почувствовал, как в душе закипает злость, и уже намеревался подняться и разобраться с двойником, когда мысль об их зависимости от этих людей охладила его пыл. Но Прокудин поклялся себе, что в будущем Ирочка не услышит от него ни слова упрёка, и никогда больше он не обнимет другую женщину.

Утихомирив вулкан внутри этим обещанием, Виктор снова наострил уши. Но из комнаты в этот момент доносились только взвизги, стоны и придушенные крики. Вскоре мужчина понял, что оказался невольным свидетелем сексуальных игр супругов Пинкдроу, а оскорбления в адрес друг друга и гости, скорее всего, стали для них своеобразной прелюдией.

Наслушавшись, Виктор уже собирался разбудить Ирину, но его остановила мысль, что незнакомая обстановка и странное соседство едва ли расположат ту к любовным утехам. Стиснув зубы, он сунул голову под подушку и вскоре задремал.

Глава 3

(в которой есть анаграммы русских имён и фамилий)

Утро для Ирины наступило неожиданно. Казалось, она только смежила веки, а муж уже тихонько тряс её за плечо.

– Ласточка, просыпайся, нам пора, – ласково уговаривал Виктор жену.

С трудом открыв глаза, женщина села, гамак качнулся, и она упала бы, если бы мужчина её не подхватил. В комнату заглянула Аирин.

– Пойдёмте завтракать, – приветливым голосом позвала она.

Накинув халаты, Прокудины вышли на кухню, где витали потрясающие ароматы. Достав из плиты пышущий жаром пирог с рыбой, хозяйка разрежала его и разложила по тарелкам. Выпечка таяла во рту, и прищельцы не могли остановиться, пока не съели всё.

– Сегодня очистные получают меньше отходов для переработки, от пирожка-то ничего не осталось, – усмехнувшись, констатировал Ортвик.

– Они восполнят недостачу содержимым нашего санузла, – хихикнула Аирин.

– А во что после превращаются пищевые остатки и... кхм... экскременты? – спросил Виктор. – В удобрения?

– И в них тоже, – отозвалась женщина. – Но у нас безотходное производство, и всё, что смывается в канализацию, становится потом одеждой, вещами и едой.

Поперхнувшись последним куском, Ирина выплюнула его на тарелку.

– Вы хотите сказать, что этот пирог вчера мог быть человеческим дерьмом?

– Ну, да, это обычное дело, – не поняв, в чём проблема, удивлённым тоном ответила Аирин.

Прижав руку ко рту, Ирина вскочила и ринулась к санузлу, где женщину долго рвало. Встревоженный муж побежал вслед, помог ей привести себя в порядок, и побледневшие супруги вернулись к расстроенным хозяевам. Казалось, глава семьи Прокудиных сам с трудом справляется с тошнотой.

– Да что же вы так остро реагируете? – растерянно спросил Пинкдроу. – Ведь при переработке от фекалий не остаётся ничего, кроме...

На сей раз в сторону туалета рванул Виктор.

Когда зеленовато-бледные гости вошли в комнату, Пинкдроу, одетые по-дорожному, вели переговоры с базой. В итоге в тайнике обнаружили топор, лом и нечто, похожее на базуку. Ортвик, изумлённо повертев в руках первый предмет, чертыхнулся и, кинув ломик на пол, положил топор обратно.

– Кажется, там решили, что мы будем пробивать отверстие железками, применяя физическую силу, – возмутился он.

– Не нервничай, – спокойно сказала жена, – они всего лишь предоставили нам право выбора, как и всегда. Конечно же, мы воспользуемся огнерезом.

Повернувшись к гостям, она пояснила:

– У нас есть выбор во всём. Например, для людей, любящих стряпать, на базе держат другие плиты, холодильники и настоящие, не синтезированные, продукты. Ну, вы готовы?

Те кивнули.

– Тогда идём.

Голодные Прокудины, одновременно настигнутые приступом головокружения, слегка отстали, а когда оказались на месте, увидели, что оба Пинкдроу в изумлении рассматривают пол. Приблизившись, антиподы ахнули: проход исчез. Опустив руки, стояли они над закрывшимся порталом, и в сердцах обоих росло отчаяние. Теперь им уже не вернуться из этого комфортного, но чужого им мира в надоевший, но всё же родной и привычный дом. Закрыв лицо руками, Ирина зарыдала и опустилась на пол, а помрачневший Виктор, сев рядом, молча обнял жену. Никакие слова утешения не приходили ему на ум.

Однако Ортвик не собирался сдаваться. Настроив огнерез, он, глубоко прорезая дерево, решительно провёл черту по полу раз, потом второй, третий, пока на месте бывшего отверстия не образовался ровно очерченный квадрат с обугленными краями. Подцепив ломом край плиты, мужчина отвалил её в сторону и потрясённо вскрикнул: под снятым слоем виднелся бетон, подвала не было.

Оказавшиеся в безвыходной ситуации пришельцы сидели на кухне приютивших их двойников и напряжённо думали, что же им делать дальше.

– Может, – неуверенно начала Аирин, – нам пойти в агентство учёта и честно всё рассказать? Иру и Витю поставят на довольствие...

– И нам, конечно, сразу поверят, – с сарказмом отозвался Ортвик. – Хорошо, если психиатров не вызовут.

– Но мы же, действительно, похожи, – воскликнула Ирина, – разве это не доказательство?

– Лицо – не документ, – авторитетно заявил Пинкдроу.

Виктор нервно постукал пальцами по столешнице.

– А какая им разница, в конце концов? Ведь прибыли новые люди, готовые работать на благо свободного общества, мы же не уклоняемся.

После этих слов Ортвик задумался.

– Возможно, стоит попробовать... – всё ещё размышляя, начал он, но тут в дверь позвонили.

– Думаю, это работники агентства, – с испугом сказала Аирин, – Они нередко сканируют пространство, и им, наверное, показалось подозрительным, что на вас нет опознавательных знаков.

– Прощайте наши баллы, – обречённо вздохнул хозяин.

Звонок не умолкал. Переглянувшись с мужем, Аирин отправилась открывать. В коридоре послышались голоса.

– Испортили вы нам отпуск, – неожиданно широко и добродушно улыбнувшись, сообщил Ортвик. – Но, честное слово, это приключение того стоит!

В комнату вошли трое незнакомцев. Они замерли на пороге, увидев довольное лицо Пинкдроу, а рядом с ним другое, похожее на первое, как две капли воды. Потом взгляды их, явственно выражающие потрясение, переместились на Ирину и, медленно, на стоявшую сзади Аирин.

– Что здесь происходит? – откашлявшись, задал вопрос один из визитёров. – Насколько я знаю, генетики ещё не научились клонировать людей.

– Прошу садиться, – пригласил гостей Ортвик. – Мы вам всё объясним.

Вскоре пришедшие в себя госслужащие с любопытством расспрашивали пришельцев об устройстве их мира, безоговорочно поверив в их фантастическую историю. Рассказывала Ирина, а Виктор, время от времени кидающий реплики, что-то рисовал на позаимствованном у гостей листе бумаге. Представляющие власть мужчины были поражены различиями в образе жизни двух параллелей.

Закончив обсуждать услышанное, они перешли к делу. Как и предполагал Виктор, чиновники не стали изгонять незваных гостей из государства, а поинтересовались их профессиями. И расстроились, услышав ответ: счетоводы и дизайнеры здесь не требовались.

– Наши новые друзья говорили, что в этом мире каждый занимается тем, что его вдохновляет, – начал Виктор. – Меня давно уже не привлекает моя работа, но может, это натолкнёт вас на мысль о предназначенном мне месте.

Он протянул изрисованный листок вершителям их судеб. Сидящий напротив Прокудина мужчина – обладатель выразительных черт, которого звали Йарденом, ахнул, а остальные восхищённо вздохнули. С бумаги на них смотрел сам Йарден, и, казалось, лицо портрета живёт своей жизнью, настолько подвижным оно выглядело.

– Вы великий художник, Виктор, – прошептал изумлённый оригинал.

И, обращаясь к остальным, произнёс:

– Мне кажется, вопрос о его трудовой деятельности решён, осталось лишь позаботиться о рабочем месте.

Ирина глядела на мужа, как на незнакомца, потрясённая его талантом, о существовании которого даже не подозревала. Душа женщины наполнилась восхищением и гордостью. Слово услышав её мысли, супруги Пинкдроу дружно

заплодировали, к ним присоединились и гости. Когда все успокоились, чиновник, зовущийся Евлапом, спросил у Ирины:

– А что же нам делать с вами?

– Я бы с детишками поработала, – робко сказала женщина.

Евлап обрадовался:

– Прекрасно, это то, что нужно! Правда, придётся немного подучиться, пройти психологические тесты, но, главное, такая возможность есть.

Третий, самый молчаливый, визитёр поднялся и, подводя черту, сказал:

– Мы просим вас завтра явиться в агентство для наложения опознавательных знаков и постановки на довольствие. Друзья помогут вам найти дорогу. Спокойной ночи.

Перед уходом Йарден перекинулся парой слов с Виктором, и тот отдал мужчине изображение, предварительно поставив подпись в нижнем углу. Аккуратно разгладив листок, чиновник положил его в папку и, отсалютовав, вышел.

Когда дверь за гостями закрылась, хозяйка расцвела улыбками, а Ирина, подойдя к мужу, обняла его.

– Я так тобой горжусь! – шепнула она. – Оказывается, я знаю о тебе далеко не всё.

Пинкдрю же умиленно смотрели на обоих, радуясь, что всё закончилось хорошо. Но они ошиблись; это происшествие оказалось лишь первым в череде необычных событий, ожидающих антиподов в будущем.

Когда служащие агентства учёта прощались с двойниками, из стоящего на узкой улочке кирпичного дома, пугливо оглядываясь, выскочил худенький парнишка лет двенадцати-тринадцати, одетый в защитного цвета бриджи и такую же майку. За спиной у него висел чёрный рюкзак, где лежало что-то тяжёлое. Продолжая озираться, он нырнул в темноту, начинающуюся за границей света висящего на крыльце фонаря.

Неслышно ступая, мальчик крался вдоль улицы, вздрагивая, когда, как ему казалось, видел человеческую тень. Шёл комендантский час, и попадись Натон на глаза патрульным «ангелам», его, возможно, вскоре не было бы в живых. В отличие от демократического общества Прокудиных и свободного – Пинкдрю, мир, где жил подросток, звался божественным, не имея при этом никакого отношения к раю.

Послышались голоса. Натон вжался в стену и, скользнул вдоль неё в ближайшую открытую дверь. Дождавшись пока «ангельский» дозор минует его убежище, он выскочил наружу и направился в сторону дома, где его давно ждали.

Встревоженные мать и отец встретили Натона упрёками. Шёпотом, потому что Нана – маленькая сестрёнка мальчика уже спала, они выговаривали подростку за неосторожность и отсутствие чувства времени. Приёмные родители – Корвит и Ириан Дорпкуины любили детей, как родных, и переживали за их жизнь и будущее.

– Пап, – угрюмо говорил Натон, – раньше я прийти не мог. Ты же в курсе, что привоз у Повтера может быть в любое время, а на сей раз он управился только к ночи. Мам, ты прекрасно знаешь, я всегда осторожен. И посмотрите-ка, что мне удалось приобрести.

Мальчик достал из рюкзака большой, допотопный радиоприёмник.

– Вот! – с гордостью сказал он, включая прибор.

– Ты потратил драгоценный паёк на запрещённую игрушку! – запримечала Ириан.

– Тише, – зашипел Корвит, – ещё «ангелов» привлечёшь. Сын правильно сделал, что купил это. Мы оторваны от мира и не должны пренебрегать возможностью выяснить, что в нём происходит.

До поздней ночи семья Дорпкуинов внимала летящей из динамиков музыке, знакомой и незнакомой речи, и людей не оставляло чувство, что в их скромную двухкомнатную квартирку проникла другая жизнь.

Аирин, напевая, разбудила гостей в девять утра. Приняв ванну, оба с обречённым видом сели за стол, понимая, что кроме еды из переработанных отходов, им ничего не получить. Чувство голода взяло верх, и вскоре Прокудины с аппетитом поедали вкуснейшие сосиски с картофельным пюре. Смирившиеся с их происхождением люди уже одобряли подобный способ экономии, без которого общество не смогло бы расцвести. Выпив по стакану мультисока, они стали собираться.

Путь до агентства оказался недолгим, конторы для удобства жителей располагались в каждом микрорайоне. По дороге Пинкдрю вкратце рассказали друзьям об особенностях учёта и оплаты их труда и отдыха.

– Вы ничего не получаете за работу? – поразился Виктор.

– Да зачем? – удивилась Аирин. – У нас всего вдосталь. Еду и одежду мы заказываем на базе, где фиксируются вкусы и размеры каждого, и в дальнейшем нам не приходится даже уточнять, какой необходим цвет или фасон. Если же понадобится нечто особенное, например, вечернее платье или смокинг, мы приходим и берём, что нам нужно.

– А баллы, – поинтересовалась Ирина, – по какому принципу они начисляются?

– О, в этом Аирин собаку съела, – засмеялся Ортвик, – она как раз счетовод по баллам.

– Бухгалтер, – поправила жена. – Они даются за правильно организованный отдых и начинают поступать на личный счёт каждого с рождения. Дети сразу становятся обладателями большого капитала, потому что до школы проводят жизнь в праздности. Да и потом зарабатывают очень много, сами понимаете, ребят трудиться в поте лица не заставишь, вот они и отдыхают от всей души. Но уже с четырнадцати лет к ним предъявляют требования, как к взрослым, и снимают баллы за нарушения.

– Например?

– К примеру, – улыбнулся Ортвик, – когда пара подростков не спит всю ночь, целуясь у подъезда. Штрафы их не останавливают, и особо любвеобильные детишки нередко ухитряются потратить все средства, накопленные на отдых после обучения. Поэтому сейчас на юношеские влюблённости стали смотреть гораздо снисходительнее, и правительство меняет законы.

– А что представляет собой этот отдых? – заинтересовалась Ирина.

– Кругосветное путешествие, – коротко ответила Аирин.

Прокудины переглянулись. Полученная информация не укладывалась у них в голове. Мало того, что в этом мире работающие имели всё, в чём нуждались, и даже больше, здесь заставляли, именно заставляли, отдыхать. Людям, многие годы проведшим в реальности, где человеческое здоровье никого не волновало, такая забота казалась удивительной, и оба прониклись уверенностью, что кто-то дал им возможность почувствовать, что такое настоящая жизнь.

– Коммунизм, – задумчиво сказала Ирина.

– Нет, всего лишь свободное общество, – отозвался Ортвик.

Виктор загорячился.

– От каждого по способностям, каждому по потребностям – основной принцип коммунизма. И здесь он реализуется.

– Да?

Пинкдрои погрузились в размышления.

– Что ж, – наконец произнёс Ортвик, – пусть коммунизм. А разве это плохо?

– В нашем мире это утопия, – пояснил антипод. – Но как вам удалось такого достичь?

Ортвик озадаченно взглянул на двойника.

– Не знаю. Добились, и всё. А как, никто уже не помнит.

В этот момент они пришли. Здание агентства напоминало маленький Капитолий и выглядело вполне приветливо. Оказавшись внутри, друзья увидели своих новых знакомых, направившихся к гостям с распростёртыми объятиями. Их пригласили сесть, и, поразвлекая немного разговорами о погоде, приступили к оформлению вида на жительство.

Выйдя из агентства, Виктор отогнул ворот рубашки и потёр появившийся на ключице значок. Его не было видно, но лёгкий зуд напоминал, что метка существует.

– А что это, собственно, такое? – обратился он за разъяснениями к друзьям.

– Стойкие радиоактивные изотопы, не наносящие вреда живой органике, – пояснил Ортвик. – Это как документ: его сканируют, когда выдают довольствие, по нему тебя опознают в случае гибели, ты предъявляешь его, приезжая в другой город...

Аирин хихикнула.

– Витя попал в разряд «одержимых», – сказала она. – Это большая удача.

– Что же в этом хорошего? – удивилась Ирина.

– К «одержимым» относят людей творческих: художников, писателей, поэтов, музыкантов, а также учёных – тех, кто готов день и ночь пропадать на работе, тратя всё свободное время на свои детища. И, вне зависимости, так оно или нет, на этот сектор выделяется удвоенное количество баллов, как на детей, а довольствие работников увеличено на тридцать процентов.

Прокудины изумлённо ахнули.

– Потрясающе! – восхитился Виктор. – Как же здесь заботятся о тех, кого в нашем мире и за людей-то не считают.

– Несчастное у вас общество, – изрёк Ортвик. – А скажите-ка, вашим старикам назначают пенсию?

– Да. Но только жить на неё невозможно, – ответила Ирина. – Пенсионеры собирают и сдают банки и бутылки, чтобы купить лишнюю буханку хлеба.

– Купить?!

Пинкдроу были поражены.

– У вас покупают хлеб?! Но ведь даже в древнем Риме его раздавали бесплатно.

– Покупают, как и всё остальное. В нашем мире нет утилизации, там не делают вытяжек из экскрементов, не используют экологически чистые материалы, в общем, у нас всё не так.

На глаза Аирин навернулись слёзы.

– Бедные люди, – всхлипнула она. – Мне так жаль вас, вернее, их.

Прокудины не знали, что ответить. Они шли молча, осматриваясь и поражаясь увиденному. Таких домов, как у Пинкдроу, оказалось много, по-видимому, власти решили, что сносить уже построенное жильё неразумно, но старые здания разительно отличались от того, в котором недавно влачили свои дни Ирина и Виктор. Утопающие в струящейся зелени стены подпирали и укрепляли сложные, но едва заметные конструкции. Деревья выращивались так, чтобы не загораживать свет нижним этажам, и петли извивающихся по земле стволов служили естественными клумбами для множества удивительно ярких цветов. Редкие автомобили на улицах не загрязняли воздух выхлопными газами, используя электричество или другой неизвестный пришельцам вид энергии.

– Там – в подвале я думал, что лестница приведёт нас напрямиком в ад, – поделился с Ириной мыслями Виктор. – И даже не мог предположить, что мы с тобой попадём в рай на Земле. Мне уже не жаль оставшегося позади.

А жена добавила:

– Главное, мы вместе, а будущее у нас теперь, похоже, есть.

Глава 4

(в которой есть анаграммы русских имён и фамилий)

Натон лежал в кровати, глядя в потолок, а рядом посапывала и иногда хныкала во сне сестрёнка. Мальчик завидовал ей: счастливая малышка радовалась жизни и не мучилась размышлениями о происходящем. Мысли подростка не были детскими, он многое замечал, и с каждым днём всё больше убеждался, что общество, в котором они живут, лишено справедливости.

Взять этот комендантский час. Натон понимал, что он являлся вынужденной мерой против ночных грабителей и убийц, но, казалось бы, проверь патруль документы, приписку, и этого вполне хватило бы. Однако мирные жители, в том числе и дети, схваченные «ангелами» в неурочное время, исчезали и никогда более не возвращались. Пятеро товарищей Натона, застигнутые ночью на улице, пропали без вести, а самого мальчика, так же как и Нану, муж и жена Дорпкуины усыновили, когда родители ребят навсегда исчезли в прожорливой пасти темноты. Сиротели дети, взрослые оплакивали своих чад, но ничего не менялось. Зачем, спрашивается, *ландфогт* Штригель подвергал несчастных таким испытаниям?

Ландфогт (нем. Landvogt) – Земский наместник. Правитель части земель немецкого императора.

На этот вопрос, как и на многие другие, Натон ответить не мог. Он всё чаще мечтал распрощаться со страшной реальностью и уйти вместе с родными туда, где они никогда более не услышали бы ни о «божественном» Дитрихе, ни об «ангелах», охраняющих его покой. Но подросток понимал, что это невозможно. Уже много лет с того момента, как нацистская Германия одержала глобальную победу, каждый человек отслеживался с помощью специальных приборов, сканирующих вживлённый в его тело чип. Только Японии и Америке удалось остаться независимыми, и в одну из этих стран рвался Натон.

В очередной раз вздохнув о несбыточном, подросток повернулся на бок, закрыл глаза и вскоре погрузился в сон.

Прокудины поселились неподалёку от антиподов в квартире, похожей на их старое жильё. Отношения с Пинкдроу становились всё более близкими и тёплыми; Аирин называла Ирину сестричкой, а Виктор с Ортвиком вместе развлекались на виртуальных рыбалке и охоте, зарабатывая баллы.

Правда, происходило это не так часто, как хотелось бы друзьям, Виктора не зря отнесли к братии «одержимых». Стоило ему заполучить студию, как он почти перестал появляться дома, делясь с холстом накопившимися за годы впечатлениями и рисуя всё – от портретов до *марин*.

Марина – жанр изобразительного искусства, изображающий морской вид, а также сцены морских баталий или иные события, происходящие на море.

Ирина после недолгого обучения с головой нырнула в работу с детьми, любившими свою ласковую и одновременно строгую воспитательницу. Когда рабочий день заканчивался, женщина приходила в мастерскую мужа и отдыхала, глядя, как из-под его кисти выходят новые шедевры.

Творчество Виктора имело потрясающий успех. Его работы, около которых всегда толпился народ, висели в картинной галерее города, а большая часть полотен уезжала в кругосветные путешествия с передвижными выставками. Ирина сначала недоумевала, почему муж не пытался пробиться, как художник, в покинутой ими реальности, но, вспомнив обстановку в демократическом обществе, поняла, что там это обошлось бы

Виктору слишком дорого, считая испорченные нервы и бессонные ночи, и, скорее всего, не привело бы к результату.

Сама Ирина похудела, посвежела и расцвела; муж нередко говорил, что у него новая жена – удивительная незнакомка, полная загадок. Жизнь, войдя в колею, катилась по ней, как хорошо смазанная телега, и ничто, казалось, не предвещало бурь и потрясений.

Войдя в класс, Натон осторожно положил портфель на стол. В нём лежала хрупкая тарелка-панно с изображением котёнка, которую он собирался подарить Дилии Уинкт. Девочка опаздывала. Подросток раскладывал на парте тетради и учебники, когда в дверь влетела Лаина и, безумными глазами глядя на одноклассников, прошептала:

– Дилия не вернулась после комендантского часа...

Что это означало, знали все. Никогда более Уинкт не появится здесь, никогда не встанет у доски, не заговорит с ними...

Натон вскочил и, кое-как запихнув в портфель книги, ринулся к двери.

– Дорпкуин, куда ты собрался?

Ледяной голос на мгновение приморозил мальчика к месту. На пороге стояла учительница немецкого языка фрау Зингер. Натон попытался обойти солидную фигуру преподавательницы, но та загораживала все щели, через которые он мог бы пробраться. Сделав вид, что смирился, Натон поплёлся к своему столу, однако, когда немка шагнула в комнату, как уж, проскользнул в образовавшийся лаз.

– Стой! Стой, негодный мальчишка! – неслоь вслед.

Но того уже ничто не могло остановить. Мальчик захлёбывался слезами, а перед его внутренним взором стояло милое, улыбающееся лицо Дилии с забранными в конский хвост волосами и большими серыми глазами.

– Ненавижу! Ненавижу! – твердил подросток, бросая вызов жестокому и несправедливому миру.

Выбежав из школы, он вытащил из портфеля панно и швырнул его в установленную на втором этаже камеру наблюдения. Осколки фарфора, стекла и пластика со звоном посыпались на чистейший, без единой соринки, асфальт. Взыла сирена, оповещая о нарушении, а Натон, показав средний палец безопасному уже видео-прибору, свернул в ближайший переулок.

Белый зал заливали солнечные лучи, отражающиеся от зеркал и украшений на стенах и разбрасывающие по помещению яркие золотые капли. Пали они и на стоящее под огромным портретом Адольфа Гитлера кресло, похожее на трон. Если бы *досужий* наблюдатель заглянул за его спинку, он заметил бы замаскированную дверцу, ведущую в небольшое полутёмное помещение, где за столом, освещённым настольной лампой, сидел мужчина лет тридцати пяти с резкими чертами лица и писал.

***Досужий* – свободный от дел, праздный, иначе – зевака.**

Внезапно он замер, отшвырнул ручку и, сцепив пальцы на затылке, откинулся на спинку стула. Дитрих Штригель вновь думал о том, что произойдёт, когда Изольда Браун покинет земную *юдоль*. Всё, сделанное им для блага этого мира, в тот же миг канет в *лету*, и сам Штригель окажется в смертельной опасности, слишком много врагов за последние годы приобрёл «божественный» Дитрих.

***Юдоль* – устаревший синоним долины, а сейчас – поэтический символ, обозначающий тяготы жизненного пути, с его заботами и сложностями.**

***Лета* – в древнегреческой мифологии река забвения. Кануть в лету – исчезнуть из памяти, быть поглощённым вечным забвением.**

Вздыхнув, он поморщился, вспомнив ходившие об их паре слухи. Изольда никогда не позволяла себе быть навязчивой, а недавно, видя, как тяжело даётся любовнику близость с немолодой женщиной, настояла на прекращении их отношений. И после разрыва оба остались хорошими друзьями, запросто делившимися друг с другом самым сокровенным.

Фройляйн Браун отличалась отзывчивостью и добротой и полностью поддерживала гуманную политику Дитриха. Тверской округ, которым тот управлял уже десять лет, оставался единственным, где не вершились бессмысленные казни, и жители не умирали от голода, а получали образование и достойную работу.

***Фройляйн* (нем. *Fräulein*) – форма вежливого обращения к незамужней женщине или девушке в Германии, присоединяемое к фамилии или имени.**

Мифам о неполноценности славянских народов Штригель не верил. Жизнь не единожды сталкивала его с удивительными людьми, родившимися в России, Болгарии,

Польше – странах, которые, появившись такая возможность, подарили бы миру, подмятому наци под себя, гениальных учёных и деятелей искусств. И слишком много убогих разумом, кичливых и звероподобных выходцев из Германии он видел вокруг.

Ещё раз вздохнув, Дитрих прогнал прочь бесполезные мысли и, взявшись за перо, углубился в работу.

По улицам чистого, тихого города шёл мальчик. Глаза его покраснели от слёз, в голове теснились злые мысли, а ноги шагали сами, ведя хозяина по неизвестному маршруту.

Впереди замаячили белоснежные одежды «ангелов» «божественного» Дитриха. Был разгар дня – время безопасности, но сработал рефлекс и Натон, попятившись, спрятался в темноте ближайшего подъезда. Надежда, что патруль пройдёт мимо, не оправдалась; солдаты остановились как раз напротив места, где затаился подросток, и, закурив, сели на скамью у входа. Мальчик напряг слух. Он неплохо владел разговорным немецким, но гортанное произношение беседующих затрудняло восприятие.

– Не понимаю, – говорил один, – зачем Штригель ухаживает за этим славянским стадом. На его месте я загнал бы всех в трудовые лагеря, как делают другие, предварительно стерилизовав, чтобы в Империи не осталось их генофонда.

– Дитрих любит быть богом, – засмеялся другой, – ему нужно поклонение, без этого он чувствует себя обычным смертным.

– Можно подумать, этот ставленник семейки Браун что-то собой представляет, – проворчал третий. – Фройляйн Изольда не чаёт души в своём красавце, а он этим пользуется...

– Вы сплетничаете, как тётки на базаре, – резко прервал собеседников четвёртый. – У стен, если помните, есть уши.

После его слов двое вскочили и кинулись к подъезду. Молясь всем богам, кроме Дитриха, Натон, сжавшись в тугой ком, закатился под нижние ступеньки. «Ангелы», как показалось мальчику, пробыли внутри целую вечность, но, в конце концов, он дождался их ухода.

– Ложная тревога, Густав, – сказал один, – нет там никого.

С великим трудом, едва дыша, подросток выбрался наружу и приготовился слушать дальше.

Тот, кого называли Густавом, фыркнув, заговорил:

– Как мне надоели белые одежды и запрет на оружие. С каким наслаждением я надел бы сейчас форму, взял автомат и перестрелял всех этих питекантропов без разбора.

В разговор вступил молчавший до сих пор пятый «небожитель».

– Похоже, тебе недолго осталось ждать. Ходят слухи, что ты подал рапорт о переводе в Новый Бухенвальд. Вот там и развернёшься. Кстати, сегодняшняя ночь его значительно пополнила, из этого городишки мы вывезли в лагерь сорок человек.

– Хо-хо, – возвеселился Густав, – как только я туда попаду, сразу вычислю местных, и с наслаждением расстреляю, чтобы возместить себе моральный ущерб от пребывания в этой клоаке.

– Только – молчание, – прижав палец к губам, прошептал первый. – Если Дитрих узнает, что мы понемногу переправляем его паству в концлагерь, «ангельскому» гарнизону не поздоровится.

– Мягкотельный либерал, – пробормотал ворчун. – Его первым надо поставить к стенке за нарушение законов, принятых фюрером.

– Смотри, как бы он не поставил к ней тебя, – мрачно усмехнувшись, отозвался Густав. – Пока Штригель ласкает старое тело фройляйн Браун, он неприкосновенен и во всём прав. Идём, я хочу поскорее отбыть эту охранную повинность и отправиться спать.

Продолжая разговаривать, «ангелы» двинулись вниз по улице, оставив Натона ломать голову над услышанным.

Положив кисть, Виктор отошёл на несколько шагов, критически оценивая своё творение. Картина была удивительно хороша. Ирина, как две капли воды схожая с оригиналом, склонялась к малышу, протягивающему ей сборник русских народных сказок, а сидящие на ковре ребятишки с выражением радостного нетерпения на очаровательных мордашках ждали, когда воспитательница начнёт им читать. В это произведение Виктор вложил всю любовь к жене и мучительное сожаление об отсутствии у них своих детей.

Зазуммерил видеофон. Нажав кнопку, мужчина увидел на экране встревоженное лицо Аирин.

– Витя...

Голос женщины подрагивал.

– У нас ЧП. Ты не мог бы прийти пораньше? Ира уже здесь.

Сердце Виктора упало.

– Что-то с Ортвиком? – испуганно спросил он.

– Нет, нет, с ним всё в порядке. Может, и не стоит паниковать, но... Пожалуйста, приезжай поскорее.

– Уже лечу.

Переодевшись, Прокудин выскочил из мастерской и всю дорогу нервно постукивал ногой по днищу неторопливо ползущего электробуса. Едва транспорт остановился, Виктор, резво спрыгнув с подножки, побежал к дому Пинкдрои.

Дитрих поднял голову и вздрогнул, увидев вырисовавшийся на противоположной стене светящийся голубой прямоугольник, напоминающий дверь. Крепко сжав рукоять пистолета, Штригель медленно встал и шагнул вперёд...

Ошеломлённые Прокудины и Пинкдрои наблюдали, как на полу кухни возникает знакомый пролом...

Штригель прикоснулся к сияющей геометрической фигуре рукой, прошедшей сквозь газообразное, но упругое вещество, не натолкнувшись на стену. Осмотрев неповреждённую кисть и отогнав страх перед неведомым, Дитрих ступил в голубое пламя...

– Мы вас не пустим, – сказала Аирин с нотками истерики в голосе.

– Не тревожься, сестрёнка, мы и сами никуда не пойдём, – успокоила её Ирина. – Наш дом здесь, и другого мы не хотим.

– Пожалуйста, закройте чем-нибудь эту дыру, – запаниковал Виктор, – вдруг она затянет нас обратно.

Ортвик тотчас вытребовал с базы большую древесно-стружечную плиту, и загородил опасный проход. Двойник сразу же успокоился.

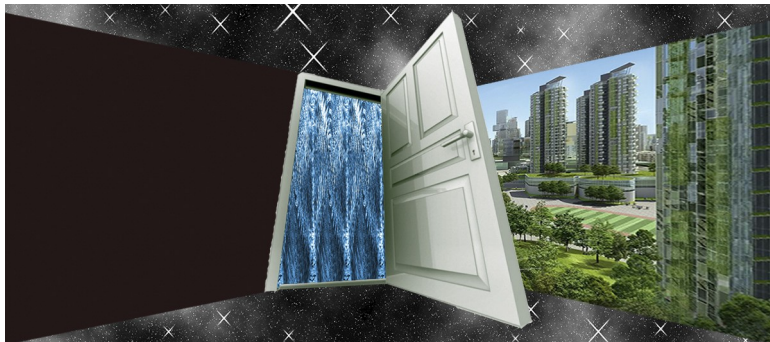
– Я не отключил видеофон в студии, – сообщил он. – Если вы меня немного подождёте, мы сможем сходить куда-нибудь вместе. Ведь ещё очень рано.

– Да забудь ты про этот прибор, – произнёс Ортвик.

– Нет, – улыбнувшись, возразил Виктор, – я ответственный гражданин свободного общества и не могу позволить, чтобы драгоценная энергия тратилась зря. Скоро вернусь.

Он выскочил за дверь, а оставшиеся, переглянувшись, засмеялись.

Глава 5

Штригель выпал из холодного пламени на пол просторной комнаты. Пошарив рукой по стенам, он нащупал выключатель, и помещение залил яркий свет. Чертыхнувшись, Дитрих нажал кнопку снова. Вскоре он понял, что дополнительное освещение здесь не требуется: мягкого сияния уличных фонарей, льющегося через стеклянную крышу, вполне хватало, чтобы разглядеть место, где оказался пришелец.

Точно посередине обширной студии расположился мольберт, рядом лежала палитра, а на стенах висели большие и маленькие живописные полотна. Всё указывало на то, что Дитрих попал в мастерскую художника. На столе в углу слабо мерцал экран какого-то прибора, периодически издававшего писк, похожий на зум телефона.

Встревоженный необычностью обстановки Штригель застыл, стиснув во вспотевшей ладони пистолет. Чутьё подсказывало, что оружие здесь не понадобится, но Дитрих боялся доверять даже собственному внутреннему голосу. Однако через некоторое время он решился снова включить свет и взглянул на картину, стоящую на станке.

Штригель неплохо разбирался в живописи, и увиденное поразило его. Полотно дышало жизнью. Казалось, что и эта красивая женщина, склонившаяся к ребёнку, и детишки, собравшиеся около, сейчас сойдут в комнату и окружают гостя, растапливая лёд годами замораживаемого сердца. Пытаясь заглушить его стук, Дитрих пошёл вдоль стен, рассматривая остальное. Человек, создавший эти произведения, был великим художником, одним из тех, что рождаются раз в несколько столетий. Неожиданно для самого себя Штригель всхлипнул...

Тихий звук заставил мужчину напрячься. Прыгнув к выключателю, он ударил по нему как раз в тот момент, когда у входа кто-то завозился. Хладнокровие сразу

вернулось к Дитриху, и, сделав несколько неслышных шагов, он оказался за открывшейся дверью. Толкнув её, Штригель загородил выход.

Не ожидавший сюрпризов Виктор, услышав характерный звук защёлкнувшегося замка, обернулся и увидел тёмный мужской силуэт.

– *Halt! Hände hoch!* – поводя пистолетом, приказал неизвестный.

***Halt! Hände hoch!* (нем.) – Стой! Руки вверх!**

– Стою, – машинально отозвался Прокудин, поднимая руки.

От неожиданности и нелепости ситуации он даже забыл испугаться.

– Кто вы? – по-русски, но с акцентом, спросил незванный гость.

– Художник, – растерянно доложил Виктор. – Послушайте, оружие вам ни к чему, я не опасен.

Немного поколебавшись, незнакомец, спрятал неуместный предмет.

– Где я нахожусь? – поинтересовался он.

– В моей мастерской, – ответил ошеломлённый Прокудин.

– Вы автор этих полотен? – кивнув на стены, задал вопрос мужчина.

– Да.

– Великолепно! Вы гениальны!

– Спасибо.

Виктор не знал, что и думать. Между тем неизвестный включил свет, и Прокудин, щурясь, взглянул. Перед ним стоял высокий, светловолосый человек, облаченный в знакомый по фильмам о войне мундир СС.

СС – аббревиатура от нем. Schutzstaffel (Шутцштаффель) – охранные отряды.

– Кино и немцы, – пробормотал художник.

– Что вы сказали? – повернувшись, спросил эсэсовец.

– Я говорю, что форма ваша сейчас неактуальна, – неожиданно зло выпалил Прокудин.

– Что это значит?

Внезапно осекшись, мужчина пристально посмотрел на собеседника.

– Мой мундир не вызывает у вас трепета и всё же он вам знаком. Где я?

– Соображалка у него работает, – подумал Виктор.

– Вы в свободном обществе, – произнёс он вслух. – Война давно закончилась, и, как одевались офицеры СС, я знаю только по кинокартинам...

– И кто здесь одержал победу?

– Я уроженец иной реальности, у нас победителями стали русские и их союзники – американцы и англичане. В этой параллели – не знаю, история давняя, время тут опережает моё на несколько столетий.

Неизвестный рухнул на стул, на лице его застыло изумлённое выражение.

– Как вы сюда попали? – задал встречный вопрос Виктор.

Незнакомец поднял голову.

– Через этот проход.

Он показал на едва видную при свете голубоватую «дверь».

– Портал, – шепнул Прокудин.

– Портал? – вздрогнув, повторил мужчина. – Портал между мирами? Но это же фантастика.

– Раньше я тоже так думал. Пока лично не убедился в обратном.

Оправившись от потрясения, эсэсовец встал и, подойдя к Виктору, протянул руку.

– Дитрих Штригель, – представился он.

– Виктор Прокудин, – не подавая своей, ответил тот.

– Вы не хотите пожать мне руку? – удивился Дитрих. – Почему?

– Памятуя, что во время войны СС не отличались гуманностью, наряду с гестапо...

– Вы правы, – согласился Штригель, и глаза его погрустнели. – Но, поверьте, я никогда не проливал невинной крови.

Виктор смутился.

– Я не хотел вас обидеть, – сжимая ладонь нового знакомца, сказал он.

– Ваш поступок вполне оправдан, – успокоил его Дитрих.

Помолчав, он попросил:

– Виктор, пожалуйста, расскажите о ваших мирах. Мне безумно интересно, как шло развитие в них обоих.

– Хорошо. Правда, о здешнем я пока знаю немного, но охотно поделюсь известной мне информацией. А откуда вы сами?

– В моей параллели все земли, кроме США и Японии, входят в состав Великой Германской империи.

Увидев изумлённое лицо визави, Штригель улыбнулся:

– Похоже, разговор у нас будет долгим.

Мужчины подсади к маленькому столику в углу студии. Рассказав свою историю и выслушав повествование Прокудина, Штригель подпёр голову руками и долго молчал. Наконец он поднял взгляд.

– Почему же нашей реальности так не повезло?

Голос его звучал невесело.

– Не только вашей, – возразил Виктор. – Моя жена чуть не погибла, наш брак находился на грани краха. И только здесь мы почувствовали себя людьми.

– Вы не видели, что творится в Империи. Округ, которым я управляю – счастливое исключение, в других царят смерть и отчаяние.

– Это вы – счастливое исключение! – воскликнул собеседник. – Всё зависит от человека.

– Я стал таким благодаря фройляйн Браун. Меня, как и всех наци, воспитывали в пренебрежении к другим народам. Изольда в корне изменила моё мировоззрение, когда я был ещё юн и восприимчив.

– Фройляйн Браун... эта женщина не из потомков Евы – любовницы Гитлера?

– Которая так и осталась любовницей. Но, несмотря на это, их семья имеет огромное влияние на политическую жизнь Германской империи. И я не представляю...

Вдруг, осекшись, Дитрих вскочил и с ужасом уставился на стену, где недавно светился проход в его мир. Сорвавшись с места, он принялся её ощупывать и стучать по ней кулаками. Но от портала не осталось и следа. Застонав, Штригель схватился за голову.

– Господи, это же конец! Несчастные люди!

Прокудин понял, о чём говорит Дитрих.

– Что же делать? – растерянно произнёс он.

Лицо Штригеля стало сурово.

– У этих дверей есть график, согласно которому они открываются?

– Не думаю. Сегодня и этот, и пролом в доме наших двойников возникли спонтанно.

– Пожалуйста, отведите меня к ним, – попросил Дитрих, – может, я сумею вернуться оттуда.

– Маловероятно, – с сомнением промолвил Виктор, – тот ход ведёт в мою реальность. Но если он исчез одновременно с этим, значит, при его появлении мы узнаем и о втором. Сейчас я всё выясню.

Подойдя к жужжащему видеофону, Прокудин набрал код переговорного устройства друзей.

– Портал закрылся, – доложил Ортвик, заглянув под громоздкую плиту, – а когда, мы не заметили. Ты скоро?

– Да. Уже еду.

Отключив прибор, Виктор с расстроенным видом повернулся к Штригелю. Тот стоял, закусив губу, по подбородку стекала струйка крови, а в остановившихся глазах застыла безнадежность. Подойдя, Виктор робко положил руку на плечо мужчины.

– Послушайте, не стоит так себя мучить. Если вы не против, я устрою вас на ночлег.

Штригель перевёл невидящий взгляд на собеседника. Вытерев кровь ладонью, он недоумевающе посмотрел на неё и, достав платок, несколько раз приложил его к ранке.

– Вы правы, если я начну биться головой о стену, это вряд ли поможет, – угрюмо сказал он. – Идём.

Прокудин, удивлённый тем, как быстро Штригель взял себя в руки, пригласил его следовать за собой.

Заждавшиеся Виктора друзья изумились, когда тот появился в сопровождении человека в нацистской форме, словно сошедшего с экрана. Наскоро объяснив ситуацию, Прокудин представил Дитриху жену и пару антиподов. Штригель улыбнулся новым знакомым, но взгляд его остался всё так же хмур. Аирин засуетилась, поговорила с базой, и вскоре все приступили к ужину.

Дитрих ел мало и без аппетита. Совершенно спокойно, в отличие от Прокудиных, он выслушал историю о переработке отходов, похвалив изобретательность учёных свободного общества. И охотно отвечал на вопросы, словно это помогало ему забыть, что он находится в чужом мире. Время от времени люди посматривали туда, где ранее находился портал, и, наконец, Ирина решилась спросить:

– Дитрих, а если проход больше не откроется? Что случится тогда?

Тот вздрогнул.

– Мой округ превратят в обычное гетто, – хрипло ответил он, – и, возможно, в отместку мне, уничтожат всё его население.

Глаза женщины округлились от ужаса.

– Этого нельзя допустить! – воскликнула она.

– Что вы предлагаете? – ровно и зло спросил Дитрих. – Проломить стену между двумя реальностями?

Ирина замолчала, понимая, что гость прав. А тот, смягчившись, положил ладонь на её запястье.

– Я благодарен вам за сочувствие. Но, учитывая, что не в наших силах что-либо изменить, лучше не растрачивать нервы понапрасну.

И усмехнулся.

– Судя по тому, что я узнал от Виктора, мне найдётся дело и в этом мире.

– У вас железная выдержка, – восхитился Ортвик.

– Это суровая необходимость в той паучьей банке, где я живу, – без улыбки ответил Дитрих.

– По... портал... – вдруг, заикаясь, выкрикнула Аирин.

Переглянувшись, Виктор и Дитрих вскочили и ринулись к двери. Последний, на секунду задержавшись, послал благодарный взгляд хозяевам и, сделав прощальный жест, выскочил на улицу.

– Удачи! – понеслись вслед голоса.

Влетев в студию, Дитрих споткнулся и упал, проехав на коленях до середины помещения. Не обращая внимания на боль от ушибов, он вскочил и повернулся к спутнику, протягивая руку. Тот крепко пожал её.

– Спасибо за всё, Виктор, – сердечно произнес Дитрих. – Надеюсь, мы видимся не в последний раз.

И, шагнув в призрачное пламя, исчез.

– Я тоже, – с запозданием отозвался Прокудин, не отрывая взгляда от немеркнущей пелены.

Откинувшись на спинку скамьи, где до него сидели «ангелы», Натон размышлял. Из подслушанной беседы он сделал несколько выводов. Первый заключался в том, что Дилия, скорее всего, жива и, вместе с другими несчастными, находится в концлагере. А значит, её можно спасти.

Второе, что понял мальчик, «божественный» Дитрих неплохой человек. Жители города и окружающих его поселений вели вполне достойное существование, тогда как новости, получаемые из приобретённого за паёк радиоприёмника, наводили на мысль, что в других местах всё гораздо хуже. А про ночные рейды ландфогт, похоже, просто не знал.

Третий вывод порадовал подростка больше всего: если обратиться к Штригелю, возможно, удастся освободить и Дилию, и остальных, кого арестовал «ангельский» дозор.

Поднявшись, Натон направился к дому. Мальчик не был настолько глуп, чтобы, очертя голову, кинуться в резиденцию, он понимал, что ему понадобится помощь родителей, и вскоре уже делился с ними плодами своих размышлений. Корвит хмурился, а Ириан стояла, прижав ладонь ко рту. Перспектива встречи с «божеством» пугала обоих.

Однако Дорпкуин всегда отличался смелостью и решительностью. Происходящее в округе возмущало его, но раз дела обстояли так, как говорил сын, стоило дерзнуть и обратиться к главе. Неудачная идея, родившаяся в голове Корвита, дала толчок развитию необычных событий в жизни многих людей.

Поскольку границы резиденции ландфогта тщательно охранялись, не приходилось и думать о том, чтобы пойти туда открыто. Тогда Дорпкуин решил, что они попытаются пробраться внутрь хитростью в выходной, когда вокруг разгуливает меньше охраны и, следовательно, снижается степень риска. Впрочем, чем они рисковали? Обмороком от электрошокера или синяками от дубинок? Ландфогт запретил «небожителям» ношение огнестрельного оружия, а значит, смерть незваным визитёрам не грозила. И в воскресенье Дорпкуины отправились ко дворцу.

Тот выглядел гораздо скромнее, чем утверждали слухи. Лепнину и другие украшения, скорее всего, придумали досужие болтуны, желающие похвастаться, что сумели побывать рядом. Чем ближе к резиденции подходили люди, тем более нервничал Натон, дурные предчувствия мучили его и, как показали последующие события, не зря.

У входа их остановили «ангелы», язвительным тоном осведомившиеся, куда те направляются. Пока родители что-то нарочито сбивчиво лепетали, Натон скользнул за квадратную колонну. Скучающие караульные, развлекаясь, принялись толкать Ириан и Корвита прочь, а мальчик осторожно потянул тяжёлую дверь на себя.

И тут его заметили. Двое охранников ринулись к зданию, а один из оставшихся выхватил пистолет. Увидевший это краем глаза подросток уже намеревался повернуть назад, когда прозвучали выстрелы, и Дорпкуины рухнули, как подкошенные. Натон согнулся, точно от болезненного приступа колик, однако инстинкт самосохранения заставил его вбежать внутрь.

Уже не прячась, он мчался по большим и малым залам, а за ним неслась, казалось, вся армия Империи. Задыхаясь, мальчик уклонялся от недружеских объятий, но, в конце концов, преследователям удалось сбить его с ног. Покатившись по мраморному полу, Натон в кровь разбил локти и колени и свернулся, закричав, от страшного удара ногой по рёбрам. Ни он, ни его палачи не услышали, как щёлкнул замок ближайшей двери.

– Отойдите от ребёнка!

Повелительный голос с угрожающими интонациями заставил охранников остановиться. Натон поднял голову и увидел Бога. Именно божеством показался ему одетый в белоснежные одежды высокий, светловолосый мужчина с правильными чертами лица, словно вырезанными тонким резцом. Серо-стальные глаза незнакомца холодно смотрели на разыгравшуюся перед ним сцену. Он махнул рукой.

– Убирайтесь вон! – прозвучал приказ.

«Ангелы» ретировались, а Штригель, подойдя к подростку, помог тому встать на ноги.

– Зачем ты здесь? – ровным тоном спросил «божественный» ландфогт.

Натон открыл рот, чтобы ответить, и вдруг зарыдал. Взгляд мужчины оттаял, и он подтолкнул мальчика к потайной двери. Закрыв её на засов, Штригель щёлкнул выключателем и, усадив плачущего подростка на стул, протянул тому стакан с водой. Натон, чуть не откусывая зубами стекло, проглотил содержимое бокала и немного успокоился. Когда он перестал всхлипывать, Дитрих повторил вопрос, и голос его прозвучал мягко:

– Так зачем же ты здесь? Разве тебе неизвестно, что жителям гетто опасно приближаться к охраняемому объекту?

– Меня принудили к этому обстоятельства.

И мальчик рассказал о причинах, заставивших его рискнуть жизнями родителей. Вспомнив о тех, подросток снова расплакался.

На лице Штригеля возникло непередаваемое выражение, так быстро сменялись эмоции, искажающие его черты. Растерянность, сочувствие и, наконец, всепоглощающую ярость разглядел Натон в серых глазах. Вскочив, Дитрих заметался по комнате. Несколько резких слов, не понятых мальчиком, вырвались сквозь сжатые зубы мужчины.

Наконец, Штригель остановился и, сев напротив Натона, взял того за руки.

– «Ангелы» не имеют права носить огнестрельное оружие, а тем более применять его против населения, – сказал он. – Твои родители погибли из-за прямого

неподчинения приказу, и, поверь, будут жестоко отомщены. Так же, как и умершие в Бухенвальде. А тех, кто ещё жив, я оттуда вытащу. Да, пора разобраться с гарнизоном «небожителей».

Он поднял трубку телефона и, произнеся что-то, вновь показавшееся подростку абракадаброй, повернулся к нему.

– Ты останешься здесь ради собственной безопасности.

– Герр Штригель, – робко обратился к тому Натон, – моя маленькая сестричка не выживет одна...

– Твой адрес?

Когда мальчик назвал его, Дитрих дал команду, которую подросток понял – привезти девочку. Бросив трубку, Штригель стукнул кулаком по столу.

– Я никому не позволю мне мешать, – рявкнул он, но остыл, взглянув на испугавшегося ребёнка. Впервые лёгкая тень улыбки мелькнула на жёстком лице.

– Как тебя зовут?

Мальчик представился. Дитрих обнял его за плечи и повёл к двери в дальнем углу. Толкнув её, он сказал:

– Располагайся здесь, Натон. Туалет и ванная там, обед подадут чуть позже. И... я понимаю, что твоя потеря невосполнима, но, раз невозможно ничего изменить, постарайся с этим смириться. Хорошо?

Подросток кивнул, но когда шаги Штригеля стихли, кинулся на кровать и утопил её в слезах.

Глава 6

Через полчаса автомобиль ландфогта выехал из резиденции в направлении «ангельского» гарнизона; за головной машиной следовали ещё две с охраной,

набранной из лояльных Штригелю и его политике людей. Войдя в казарму, Дитрих бросил вытянувшемуся по стойке «смирно» дежурному:

– Собрать всех в большом зале.

И проследовал внутрь. Штригель не надел белоснежные одежды, тело его было затянуто в мундир СС, а через плечо перекинут ремень автомата. Спереди и сзади шли четверо вооружённых до зубов охранников, ещё трое остались снаружи.

Дитрих со сдерживаемой яростью смотрел на входящих солдат. Когда те заполнили помещение, он приказал:

– Сдать оружие!

По рядам прошло шевеление, но никто не двинулся с места. В критические моменты чувства Дитриха обострялись, и он сразу заметил угрожающее движение одного из «небожителей». Прозвучал одиночный выстрел, во лбу злоумышленника появилась круглая чёрная дыра, и он рухнул, звякнув об пол зажатый в руке пистолетом. А охрана, сделав шаг вперёд, загородила Штригеля собой.

– Я не промахнусь и в следующий раз, – сказал тот. – Сдать оружие! Ну!

Началась паника. Толпясь и давя друг друга, солдаты складывали к ногам опасного властительного визитёра разномастное вооружение. Дитрих сделал знак одному из сопровождающих, и тот побросал ножи, гранаты и огнестрелы всех видов в большую сумку. Второй охранник приказал нерешительно мнущимся «ангелам» подходить по одному и вместе с товарищами провёл личный обыск каждого.

– А теперь, – прозвучал холодный голос Штригеля, – пусть сюда выйдут те, кто придумал, что арестованных во время комендантского часа надо отправлять в Бухенвальд.

Разоружённые солдаты вновь зашевелились, но на этом всё и закончилось. Тогда Дитрих передвинул автомат так, что дуло его смотрело прямо в толпу.

– Сначала я, – зловеще произнёс ландфогт, – буду убивать каждого второго. Если и после этого никто не признается, расстреляю всех...

Раздался шёпот, и через минуту напуганные «ангелы» вытолкнули вперёд восьмерых упирающихся товарищей. Посмотрев каждому в лицо, в глаза заглянуть не удалось, так хорошо те их прятали, Штригель, неожиданно достав пистолет, застрелил всех, кроме двоих.

– А вы, – безглаголиво отталкивая трупы, приказал он, – вернёте людей из лагеря.

– Но это невозможно, – возразил один из выживших.

Повернувшись на каблуках, Дитрих приставил ствол к голове неосторожного приговорённого и спустил курок.

– Ты тоже хочешь что-то сказать? – обратился он ко второму.

Тот отчаянно замотал головой, а ландфогт, приблизив губы к его уху, громко прошептал:

– Значит, ты понимаешь, что сейчас время не спорить, а действовать? Это хорошо. Так вот, в течение недели все жители моего, – он подчеркнул это слово, – города должны вернуться в свои дома и вновь приступить к работе и учёбе. Тебе ясно?

Человек понуро кивнул, а Штригель, обращаясь ко всему ангельскому гарнизону, елеинным голосом провещал:

– Задача «ангелов» – защищать и беречь, а не хватать и убивать; для этого есть карательные отряды. И вот ещё что: каждый, кому не нравится служба здесь, может подать рапорт, и я отправлю его в отставку... на месте.

И Дитрих, окружённый бдительной охраной, отбыл в резиденцию.

А люди в белых одеждах долго ещё стояли, замерев в страхе. Все прекрасно поняли, что имел в виду безжалостный диктатор: тот, кто посмеет заявить о своём недовольстве, будет немедленно уничтожен.

Пинкдроу завтракали. Ортвик, наконец, взял отпуск на работе, Аирин тоже, но, посоветовавшись, оба решили никуда не уезжать, а провести свободные дни с друзьями, отдыхая в городе и на природе. Когда они обсуждали подробности, раздался звонок, и оба пошли встречать гостей.

– Какой удивительный мир, – восхищённо говорила Ирина, жуя вкуснейшую яичницу, – здесь всем находится место. Я так рада, что попала сюда!

– А мне очень захотелось выяснить, кому жители свободного общества обязаны его основанием, – произнёс Виктор. – Вы что-нибудь об этом знаете?

– Нет, – растерянно ответила Аирин. – Не представляю, как это случилось, но начальный отрезок истории начисто стёрся из памяти людей. Уже несколько веков наша реальность такова, какой вы её видите. В учебниках пишут, что пресловутый коммунизм – заслуга одного человека, чьё имя утрачено. Возможно, учёные могли бы приоткрыть завесу времени, но они заняты другими проблемами и вряд ли интересуются личностью политика, благодетельствовавшего эту реальность.

– Что очень странно, ведь этот деятель заслуживает огромной благодарности потомков. И наверняка найдётся хотя бы один специалист, разрабатывающий эту тему, – задумчиво промолвил Виктор. – Как вы думаете, с чего начать?

– Конечно, с агентства, – сказал Ортвик, – его сотрудники компетентны во всём.

– Что ж, – решительно заявил Прокудин, – завтра пойду именно туда.

– А ведь ты прав, Витя, – поддержал того Пинкдроу, – нельзя забывать о своих корнях. Можешь рассчитывать на мою поддержку.

– Спасибо!

Мужчины пожали друг другу руки, а женщины с любовью смотрели на мужей, полностью с ними соглашаясь. Закончив разговор, супруги Пинкдроу переоделись, и весёлая компания антиподов отправилась на прогулку.

Дитрих сидел за столом в кабинете, опустив подбородок на сложенные руки. Его мутило. Даже если те, кого он застрелил, и заслуживали смерти, самого Штригеля это никак не оправдывало, он был убийцей, не менее жестоким, чем все в СС. Перед глазами стояло лицо молодого «ангела», первым получившего пулю. Совсем ещё мальчик, немногим старше того, кто спал сейчас за стеной. Проклятый мир!

Внезапно Штригелю захотелось забыть о долге и уйти через портал туда, где нет непрекращающейся битвы добра и зла. Поддавшись слабости, Дитрих позволил себе мечтать о нормальной жизни, но когда вынырнул из розовых волн, ответственность за происходящее в его мире, за людей тяжёлым грузом вновь рухнула на плечи. По щеке его скатилась слеза, он мотнул головой, ругая себя за малодушие, и, поднявшись, открыл дверь в комнату, где спали дети. Штригель остановился на пороге, разглядывая ребят, и сердце его растаяло.

Натон сквозь сон почувствовал, как ласковая рука гладит его по волосам.

– Мама, – прошептал он, улыбнувшись.

Ладонь отёрнулась, и мальчик поднял веки. Рядом сидел Дитрих, взгляд его был полон сострадания.

– Прости, – сказал он.

Подросток почувствовал, как к глазам подступают слёзы, и проглотил их.

– Я пытаюсь смириться, – виновато прошептал он, – но не могу. Они сняты мне.

Штригель понимающе кивнул.

– Возможно, тебе станет немного легче, если ты узнаешь, что твоя подруга на этой неделе должна вернуться в город.

– Дилия?

Натон сел в кровати. Кинув взгляд на спящую сестру, он тихо спросил:

– Я смогу с ней увидеться?

– Конечно. Но встреча состоится здесь, хорошо? Пока я не хочу тебя отпускать, это слишком опасно.

– Я никуда и не рвусь, – грустно отозвался мальчик, – мой дом опустел.

– В жизни будет ещё много потерь, Натон, – печально промолвил Дитрих, – их не избежать в том страшном мире, где мы живём...

Внезапно мужчина запнулся, и глаза его загорелись какой-то мыслью.

– Но ведь детям необязательно здесь оставаться, – пробормотал он и поднялся.

– Герр Штригель! – встревожено окликнул подросток.

Тот снова опустился на край кровати.

– Мне не уходить?

– Я чувствую себя лучше, когда не один – признался Натон. – Но не могу же я отрывать вас от дел.

– Они подождут. Что ты собирался мне сказать?

– Я хотел показать вам моих родителей.

И Натон достал из кармана висящей на стуле куртки фотографию, с которой улыбалась семья Дорпкуинов. Глядя на мать и отца, подросток не сумел сдержать слёз, Штригель же, всмотревшись, охнул и приблизил недостаточно резкий снимок к глазам.

– Вот оно что, – проговорил он тихо. – Антиподы...

Дитрих перевёл взгляд на тихо плачущего Натона.

– Послушай, – произнёс он, – а как ты отнесёшься к тому, чтобы уйти в другой мир, где нет ни войны, ни страданий, где все счастливы? И встретиться с людьми, очень похожими на твоих родителей?

– Вы говорите о рае, герр Штригель? – растерянно спросил подросток.

– Наверное, ту реальность можно назвать и так, только находится она на Земле.

Натон задумался.

– Я согласен, – решил он, наконец.

– Что ж, значит, скоро мы туда отправимся. А сейчас постарайся заснуть, ещё очень рано. Я побуду с тобой.

Доверчиво прижавшись щекой к лежавшей на подушке ладони Дитриха, мальчик уплыл в сон и уже не слышал, как человек, принявший живое участие в его судьбе, вышел, тихо закрыв дверь.

После того как Дитрих вернулся в свою реальность, портал между его миром и свободным обществом стал появляться через определённые промежутки времени. Он словно подмигивал людям, находящимся в разных параллелях, предупреждая о грядущих переменах.

Потайная комната скрывала проход от человеческих глаз, но рано или поздно кто-нибудь мог о нём узнать. И дальнейшее зависело от того, насколько доброжелательно оказался бы настроен этот кто-то. Штригель понимал, если враги прознают о возможности порабощения другой реальности, их не остановить ни ему, ни Изольде. Поэтому он собственноручно врезал в замаскированную дверь кодовый замок с миллионом вариантов – неверное, но всё же средство защиты. Всех, кто располагал информацией о скрытых помещениях, Дитрих отправил на службу в другие округа. Вернее всего было бы их уничтожить, но ландфогт не мог убить человека только за то, что он знал больше, чем положено.

Дети всё ещё жили у него. Прежде чем переправить ребят в свободный мир, Дитрих хотел убедиться, что тот готов их принять. Но голубая завеса, возникнув на несколько минут, сразу исчезала, и Штригель опасался, что, пройдя сквозь неё, он не сможет попасть обратно.

Натон до сих пор оплакивал родителей, да и подруга его так и не вернулась из Бухенвальда, она погибла по дороге в лагерь. Дитрих часто разговаривал с не по годам развитым мальчиком, утешая и развлекая, и однажды с испугом осознал, что привязался к ребёнку настолько, что не хочет с ним расставаться.

А тот даже не скрывал чувств, испытываемых к Штригелю: восхищение и любовь сквозили в каждом его взгляде, в каждом слове. Это заставило Дитриха поторопить события. Мужчина боялся, что ещё немного, и он не сможет отпустить подростка к антиподам. Однажды ночью, разбудив его и сестру, Дитрих отвёл обоих к порталу. Как только на стене высветился сияющий прямоугольник, все трое шагнули через него в другую жизнь.

В свободном обществе был день, солнце ярко светило сквозь крышу мастерской Виктора, заставляя полотна оживать. В ожидании хозяина люди разбрелись по помещению, рассматривая картины. Восхищённый Натон дёргал скучающую сестрёнку за руку, пытаясь обратить её внимание то на одно, то на другое прокудинское произведение. Дитрих наблюдал за детьми. Он улыбался, но на лице его лежала тень

печали; Штригель с трудом представлял, как будет обходиться без мальчика. Ругая себя за эгоизм, он пытался прогнать грустные мысли, а те не желали оставлять его в покое.

Наконец, дверь открылась, пропуская в студию Виктора. Увидев неожиданных гостей, тот замер на пороге, удивлённо глядя на них. Опомнившись, художник подошёл и пожал руку Дитриха, подросток же застыл в недоумении.

– Что привело вас сюда? – спросил Прокудин.

– Нам надо серьёзно поговорить, Виктор, – ответил Штригель. – Но позвольте сначала представить Натона и Нану Дорпкуинов. Их приёмные родители – ваши антиподы в нашем мире погибли, добиваясь справедливости.

Мальчик медленно приблизился и остановился, рассматривая Виктора. Натон понимал, что это не отец, но его изумило потрясающее сходство.

– Что здесь происходит? – посмотрев на Штригеля, поинтересовался он.

Тот открыл рот, чтобы всё объяснить, но его перебила Нана. У девочки, не видевшей смерти родителей, не возникло никаких сомнений.

– Папа! – завизжала она, кидаясь к Виктору и повисая на нём. – Папочка! А Натон сказал, что я тебя больше не увижу, что ты умер. У-у, противный!

И показала брату язык. Растерявшийся Прокудин подхватил крошку, и внезапно его захлестнуло ощущение чуда; он почувствовал, что это его ребёнок. Тёплая волна нежности накатила на Виктора, да так и не схлынула. А Дитрих, наблюдающий за происходящим, вздохнул с облегчением: Нана нашла семью. В том, что Ирина согласится удочерить малышку, он не сомневался.

Но Натон, как быть с ним? Тот стоял, опустив голову, а когда поднял взгляд, в нём читался такой упрёк, что мужчина почувствовал, как стыд обжигает его щёки. Он шагнул вперёд, но мальчик, попятившись, выбежал из мастерской. Дитрих бросился вслед и, догнав его в конце улицы, схватил за плечи, поворачивая к себе. Глаза подростка были крепко зажмурены.

– Я никогда не назову отцом никого, кроме вас, – сквозь зубы проговорил он. – А если вы этого не хотите, останусь сиротой.

– Натон, – стараясь сдержать эмоции, произнёс Штригель, – давай обсудим всё спокойно, хорошо?

Взяв ребёнка за руку, он усадил того на скамейку.

– Выслушай меня, пожалуйста, и не перебивай. Я тоже хотел бы назвать тебя сыном, но... Натон, там – в нашем мире идёт незримая война, и я нахожусь на передовой позиции. Если ты останешься, страх за тебя скуёт меня по рукам и ногам.

Мои враги, а их немало, обязательно используют эту привязанность, чтобы добраться до меня и уничтожить. Представь, что станет тогда с городом и людьми. Возможно, их сотрут с лица земли. Я не могу позволить себе иметь семью, она постоянно будет подвергаться смертельной опасности, а я стану слабым и уязвимым. Ты меня понимаешь?

Внимательно слушавший его подросток задумчиво кивнул.

– Да, я понял, – сказал он. – Но ведь ты можешь приходить ко мне сюда?

Натон не заметил, как вместо привычного «вы» обратился к Дитриху на «ты». А у того сердце сжалось от неожиданного счастья.

– Так я и намерен поступить, – с трудом сдерживая расцветающую на лице глупую улыбку, решительно ответил он. – Изредка я стану навещать тебя и других. Но ты должен некоторое время пожить в семье двойников твоих родителей.

– А могу я не звать их папой и мамой? – насторожённо спросил подросток.

– Что за детский вопрос, мой мальчик, – засмеялся Дитрих, – конечно, можешь. Вот уж от тебя-то не ожидал.

Натон покраснел и смущённо улыбнулся.

Обсудив с Виктором проблему детей и получив обещание всё уладить, Штригель, дождался появления портала и отправился обратно. Ему хотелось погулять с сыном по улицам этого прекрасного города, но нацистская форма выглядела бы на них странно.

В резиденции стояла тишина, за время отсутствия Дитриха никто не потревожил его обиталища. Оказавшись в кабинете, он почувствовал, как на него наваливается привычное раньше и невыносимое сейчас чувство одиночества. Чтобы отвлечься, Штригель сел за стол и с головой ушёл в работу.

Глава 7

Ирина, как и Виктор, приняла Нану всем сердцем. Ласковая и забавная девочка льнула к матери, не отходя от неё ни на шаг. На следующий день после визита Штригеля Прокудины пришли в агентство с двумя детьми и обсказали ситуацию дежурившему там Йардену. Проблем с удочерением не возникло, а над Натонем Ирина и Виктор оформили опеку, что того вполне устроило.

– Я уже ничему не удивляюсь, – усмехаясь, говорил Йарден. – После того, как здесь появились вы, иммиграция уроженцев параллельных миров, похоже, станет традицией. Единственное, что меня беспокоит – это причина активизации порталов. По всей

видимости, что-то грядёт и, возможно, плохое. Поэтому я известил Центр, и там готовятся принять меры.

– По моему мнению, – сказал Виктор, – это как-то связано с Великой Германской империей по ту сторону завесы. Дитрих Штригель, о котором я вам рассказывал, железной рукой правит в своём округе, но, как мне подсказывает внутренний голос, рано или поздно взлетит к вершинам власти. Возможно, ему понадобится программа, чтобы перестроить общество по образцу нашего, и мы могли бы ему помочь, изучив документы периода становления, а заодно выяснить, кто стал виновником благоденствия этого мира.

Йарден задумался.

– Вам надо обратиться в исторический центр, – решил он, наконец, – там вы наверняка найдёте одного или даже нескольких учёных, которые знают, что вам нужно. Когда соберётесь, сообщите мне, и я создам командировочную карту.

– Тогда делайте это сейчас, я готов.

– Я тоже хочу, – выпалил подросток.

Чиновник улыбнулся.

– Никаких проблем, поедешь с опекуном. Но вот о чём я хотел бы вас попросить: уговорите вашего друга присоединиться к вам. Это будет рациональнее.

Мужчина и мальчик с сомнением переглянулись. Йарден заметил это.

– Что-то не так?

– Мы не знаем, когда он здесь появится, – грустно ответил Натон.

– А сами вы не хотите туда пойти?

– Ну, конечно же! – хлопнув себя по лбу, воскликнул Прокудин. – Ведь портал с той стороны скрыт от посторонних глаз. Даже если хозяина не окажется на месте, мы его дождёмся.

– Прекрасно, – обрадовано сказал Йарден, – а я всё подготовлю для вашего путешествия.

– Путешествия? Нам далеко ехать?

– Не очень. Центр всемирной истории находится в Гималаях.

Рты Виктора и Натона открылись сами собой. Чиновник засмеялся.

– Всё не так страшно. Воспользовавшись современными средствами передвижения, вы окажетесь на месте через несколько минут. Но на изучение материалов понадобится время, поэтому вам придётся пробыть там довольно долго. И для обеспечения вас

жильём и питанием нужен соответствующий документ. Договаривайтесь с господином Штригелем, я жду вас.

Вскоре Виктор и Натон уже входили в студию. Мальчик направился к голубой двери, но опекун остановил его.

– Думаю, – произнёс он, – тебе стоит остаться здесь. Если Дитрих на месте, я приведу его.

– Где же ему быть ночью? – недоумевающе поинтересовался подросток.

– Мало ли... – ответил Виктор, вспомнивший о фройляйн Браун.

– Хорошо, – согласился Натон, – я подожду.

Миновав светящийся прямоугольник, Прокудин оказался в полной темноте. Зацепившись за стул, он подвернул ногу, тихо выругался и тотчас почувствовал, как его торс обхватила железная рука, а к виску прижалось дуло пистолета.

– Дитрих, – просипел он, – осторожнее. Это я – Виктор.

Хватка ослабла, зажёгся свет, и мужчина увидел заспанного Штригеля.

– Витя? – удивлённо спросил тот. – Ты что здесь делаешь?

– Нам надо поговорить. Можешь выбраться к нам?

– Сейчас? Хорошо.

И, переодевшись в штатское, Дитрих последовал за Прокудиным. Напряжённо ожидавший у завесы Натон бросился к Штригелю. Несколько мгновений оба стояли, обнявшись, а потом Дитрих, мягко отстранив мальчика от себя, вытер выступившие на глазах ребёнка слёзы.

– Всё хорошо, сынок, мы снова вместе.

Подросток взял приёмного отца за руку, и они вышли на улицу. Расположившись на широкой скамейке, люди беседовали. Виктор рассказал о предложении Йардена, и Дитрих задумался. Обязанности требовали его присутствия в округе, но любопытство, желание узнать новое доминировали.

– Ладно, – сказал он, решившись. – Мне понадобится немного времени для завершения начатых дел, а после я сообщу руководству, что инкогнито уезжаю на отдых. Надеюсь, меня никто не станет разыскивать. Думаю, дней пять у меня будет.

Натон задохнулся от восторга. Провести пять долгих дней с человеком, которого он так любил... это казалось сказкой. Мальчик уткнулся лицом в плечо мужчины и затих. Ласково глядя ребёнка по голове, Дитрих бездумно смотрел прямо перед собой, наслаждаясь покоем и безопасностью. Наконец, он поднялся и произнёс:

– Мне пора возвращаться. В моей реальности скоро наступит утро, и, чтобы всё успеть, я должен поторопиться. Давайте сверим часы.

Стараясь не смотреть в погрузневшие глаза сына, Штригель направился к мастерской. Через несколько часов кортеж ландфогта двинулся к особняку Изольды Браун.

Изольда внимательно рассматривала осунувшегося, слегка похудевшего Штригеля.

– Плохо выглядишь, Дитрих, – сказала она. – Ты спал сегодня?

– Почти нет, нужно было завершить срочную работу. Зато ты, как всегда, великолепна.

– Да, десятичасовой сон идёт мне на пользу, – засмеялась она.

И, подойдя, по-матерински обняла мужчину.

Фройляйн Браун – королева салонов, одна из красивейших дам Империи перешагнула шестидесятилетний рубеж. На лице её, хранившем следы былой привлекательности, резко выделялись морщины, шею, выдающую возраст, она прятала за высоким воротником, а грудь, поддерживаемая особым бюстгальтером, уже не могла заставить мужчину протянуть к ней руку. Прежними остались только карие светящиеся умом и задором глаза с появившейся в них недавно грустинкой. И Штригель не мог не засмотреться в зеркала души бывшей возлюбленной.

– Я скучал, – промолвил он, – мы так давно не виделись.

– А я, представь, даже не успела стосковаться, – улыбнулась женщина. – Возила гостей по твоему образцовому округу.

– Вот как? Кого же?

– Нашего серого кардинала – советника императора Вилли Шефера.

– И каковы его впечатления? – внутренне напрягшись, поинтересовался Дитрих.

Ведь, в конце концов, он управлял вверенной ему территорией в обход всех действующих законов, и это могло привести к смещению с должности, а в дальнейшем и к казни.

– Он в восхищении, – успокоила его Изольда. – Вилли поведал по секрету, что методы правления последователей фюрера давно его раздражают, и он исподволь внушает главе Империи, что настала пора перемен.

Дитрих перевёл дыхание.

– Так что теперь, – сообщила женщина, – у тебя есть свой человек, приближенный к трону.

– А почему ты не позвала меня? – спросил Штригель.

– Потому что ты исчез, и тебя не могли отыскать. Кстати, где ты пропадал?

– Рискнул прогуляться в одиночестве, – осторожно ответил Дитрих, до поры не собиравшийся посвящать подругу в подробности вояжей в другую реальность, – и совершенно забыл о назначенной аудиенции.

– На тебя не похоже, – погрозила ему пальцем Изольда, – темнишь, мой дорогой.

Смущённый её пронизательностью, Штригель замялся.

– Я всё расскажу тебе, Зольди, но позже. Ты готова подождать?

Она серьёзно посмотрела на мужчину.

– Да, конечно. Я знаю, что ты ничего не делаешь просто так. Поделишься, когда сочтёшь нужным, милый.

Последнее слово прозвучало так нежно, что к горлу Дитриха подкатил ком. Чтобы сгладить неловкость и оградить их беседу от посторонних ушей, он встал и закрыл дверь.

– Послушай, – вернувшись, тихо сказал Штригель, – мне неудобно об этом говорить, но, поверь, мною движет не желание подняться по служебной лестнице, а потребность сделать что-то полезное в больших, чем сейчас, масштабах...

– Зачем так много слов, Дитрих? – прервала его женщина, садясь. – Я хорошо тебя знаю, и мне не нужно ничего объяснять. Чего ты хочешь?

– Власти, Зольди. Мой округ процветает, но за его границами творится произвол. Я хотел бы это пресечь, но я слаб...

– Ты силён одним желанием что-то изменить, – ласково отозвалась подруга, – и, конечно, я тебе помогу. Последнее время...

Она понизила голос.

– Последнее время становится всё больше недовольных политикой императора. Кроме того, он уже немолод и, увы, глуп. Такому человеку нельзя возглавлять государство.

– Ты прочишь меня в императоры? – испуганно спросил Штригель.

– А почему бы и нет?

Женщина засмеялась, и смех её, не считаясь с возрастом, зазвенел, как колокольчик.

– Ты умён, красив, подданные любят красивых властителей, достаточно гуманен, а гуманность сейчас входит в моду, и станешь достойной заменой старику Деккеру. До выборов осталось чуть более полугода, за это время я обеспечу тебе поддержку влиятельных людей и, конечно, финансы...

Она жестом остановила готового возразить Дитриха.

– Не спорь. Я знаю, на что уходят все твои деньги, без них невозможно поддерживать округ. И не беспокойся, ты получишь их не из моего кармана, я организую фонд содействия «божественному» Дитриху.

Штригель встал перед Изольдой на одно колено и, целуя её руку, прошептал:

– Ты великая женщина, Зольди, мне до тебя далеко!

Та положила ладонь на голову мужчины, перебирая его волосы.

– Я верю в твой политический гений, Дитрих. Рано или поздно Германская империя изменится: сотрутся различия между расами, национальностями, народ станет процветать, и это будет делом твоих рук.

«Если прежде меня не застрелят прямо на троне за инакомыслие», – подумал Штригель, улыбнувшись собеседнице.

Простившись с Изольдой, Дитрих вернулся к себе и, созвонившись с высшим руководством, вытребовал отпуск на пять дней. Вызвав начальника охраны – преданного Оскара Менгера, Штригель вручил ему официально завизированный документ, согласно которому тот в отсутствие ландфогта становился его заместителем. Небрежно кинув папки в сейф, Дитрих набрал код и, захлопнув дверцу, повернул сложный ключ.

Вечерело. Сбросив ненавистный мундир и одевшись в штатское, Штригель в нетерпении посматривал на часы. Он понимал, что там – за завесой его ожидает работа, но всё равно воспринимал её, как отдых вдали от Империи, врагов и крови. И, главное, рядом будет Натон. Дитрих скучал по мальчику до боли в сердце, а теперь у них есть целых пять дней, которые они проведут вместе.

Часы пробили полночь – условленное время. Дитрих глубоко вдохнул, выдохнул и шагнул в волшебную дверь. В параллельной реальности его ждали. Подросток подбежал к отцу, лишь только тот ступил на пол студии, а за ним, улыбаясь, подошли Ортвик и Виктор. Мужчины обменялись рукопожатиями и, Штригель, обняв приёмного сына, направился за провожатыми.

Увидев человека, о котором столько слышал, Йарден так взволновался, что начал немного заикаться. Уточнив, как долго гость сможет пробыть в их мире, он поставил тому временный опознавательный значок. Но, по всей видимости, Дитрих был склонен к аллергии, потому что мышцы в области ключицы вздулись, кожа покраснела, потом посинела, и вскоре мужчина с трудом сдерживал стон боли, выдыхая сквозь сжатые

зубы. Испуганный Йарден, почувствовавший себя убийцей, вызвал неотложку, и врачи быстро устранили болезненные проявления. Метку удалили, и чиновник положил в карман Штригеля карточку, отзывающуюся на сканирование.

– Простите, – покаянно произнёс он, – я не знал, что организм может так отреагировать на безобидные изотопы.

И с любопытством спросил:

– Скажите, а вам не приходилось присутствовать при атомных взрывах или иметь дело с радиоактивным топливом?

– Да, – удивлённо подтвердил Дитрих, – я трижды бывал на ядерных испытаниях, но находился в бункере. Это как-то связано с сегодняшним происшествием?

– Несомненно. И, если вы когда-нибудь поселитесь в нашей реальности, метка вам будет противопоказана.

Штригель помрачнел.

– Едва ли это случится, – ответил он. – В моём мире много дел, да и неугодные политики там редко доживают до старости, хорошо, если удаётся дотянуть до сорока пяти. Успеть бы всё за такой короткий срок.

Говоря это, он не подумал, что его слышит и Натон. Раздался придушенный вскрик, хлопнула дверь. Опомнившийся Дитрих извинился и выбежал вслед.

– Жаль, – задумчиво пробормотал Йарден, – очень жаль. Этот человек мог бы многое сделать не только для своей, но и для нашей реальности. И заслужить почётную и спокойную старость.

Штригель вернулся с заплаканным, но уже улыбающимся Натонем. С сочувствием посмотрев на обоих, чиновник протянул мужчине командировочную карту.

– В половине четвёртого из стартового ангара отбывает капсула. Ничего с собой не берите, в Гималаях всё не менее цивилизованно, чем здесь. Если выдастся свободная минутка, зайдите в тамошний *паноптикум*, на снежного человека стоит посмотреть, он большая редкость.

***Паноптикум* – музей, коллекция необычайных предметов (напр., восковых фигур, причудливых существ и т. п.).**

Подросток ошеломлённо глядел на Йардена, потрясены были и Виктор с Дитрихом. А Ортвик даже не удивился.

– Жаль, что я не лечу с вами, – посетовал он, когда друзья попрощались с чиновником и вышли, – мне приходилось слышать об этом чуде, и хотелось бы его увидеть. Ну, да ладно, успеется.

Он посмотрел на часы.

– До половины четвёртого ещё уйма времени. Пойдём куда-нибудь и пообедаем?

– Я только позвоню Ире, – согласился Виктор и ушёл искать видеофон.

Обтекаемая капсула была готова к взлёту. Путешественники ожидали увидеть большую пушку, стреляющую необычными снарядами, но нет, яйцеобразная машина, раскорячившись на подпорках, стояла на полу ангара, а в кабине сидел пилот. Он не стал смотреть командировочные карты, видимо, это не входило в его обязанности, и, дождавшись, пока пассажиры пристегнутся, надавил на рычаг.

Бесшумно, без рёва моторов и выхлопов, капсула завалилась назад, взвилась вверх, и сила тяжести придавила пассажиров к креслам. За спинами в салоне негромко заплакал ребёнок, а Дитрих, Виктор и Натон сидели с ошеломлёнными лицами. Но удивлялись они недолго, вскоре последовало мягкое приземление.

На дрожащих ногах все трое вышли наружу и застыли, глядя на представшее их глазам потрясающее зрелище. Они стояли, утопая по щиколотку в травах чудесной зелёной долины, а вокруг, куда только достигал взгляд, возвышались горы с заснеженными вершинами. Вид этот так заморозил людей, что они не сразу обратили внимание на огромное здание исторического центра из стекла и металла, гармонично вписавшееся в синеву неба, и расположившиеся неподалёку небольшие жилые домики и солидные многоэтажные гостиницы.

Но к ним уже спешил госслужащий с папкой подмышкой. Приветливо поздоровавшись и заглянув в карты, мужчина пригласил командированных следовать за ним. Устроив их в комфортабельном номере, он отсалютовал и исчез.

– Похоже, здесь принято верить людям на слово, – удивлённо сказал Штригель. – Он едва посмотрел на документы и узнал о деле, ради которого мы прибыли, лишь с наших слов. А если бы мы обманули?

– Насколько я понял, здесь никто никого не обманывает, – отозвался Виктор. – Да и зачем? Ведь ложь не приносит никакой выгоды.

– Удивительный мир! – вырвалось у Натона. – Как им удалось так перевоспитаться?

– Это мы скоро узнаем, – весело ответил Прокудин. – Кому-нибудь надо переодеться или перекусить перед выходом?

– Я сыт, – ответил Дитрих, – а вот ванну принял бы с удовольствием.

– Тогда я покажу тебе, как ею пользоваться. Здесь всё отличается от наших реальностей, даже процедура омовения. Кстати, я заметил, ты очень мало ешь. Это отсутствие потребности или суровая необходимость?